

АКАДЕМИЯ МАГИИ

ЭЛЬВИРА ПЛОТНИКОВА

ИГРА
В ДРАКОШКИ-
МЫШКИ

Annotation

Волшебное место этот горный университет, но насладиться его чудесами мне не суждено. Нормальные люди приходят сюда учиться магии, а я вынуждена «работать» лабораторной мышкой, и стеклянная клетка — мой новый дом и наказание за совершенное когда-то преступление. И все же любую клетку можно открыть, особенно если у тебя найдется тайный помощник. Но кто он, и его «доброта» — это любовь или холодный расчет?

Изменить себя, не изменяя себе, выбрать свой путь и обрести свободу, стать драконом и остаться человеком — главный приз в игре, правила которой мне неизвестны.

Эльвира Плотникова

Игра в дракошки-мышки

© Плотникова Э., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Выражаю благодарность и посвящаю эту книгу всем своим друзьям!

Отдельное спасибо

Евгению Владимировичу Щепетнову, который подвигнул меня на написание этой книги и дал рекомендацию в издательство.

Стасу Пелевину,

вместе с которым мы придумывали мир и героев.

Татьяне Богатырёвой,

которая терпеливо учила меня секретам писательского мастерства.

Благодарю моих читателей — за советы, поддержку и за простое «спасибо», которое вдохновляло и заставляло работать.

Часть I

Преступление и наказание

Когда делаешь шаг с обрыва, жизнь моментально принимает очень четкое направление.

Терри Пратчетт

Глава 1

Преступление

Малыш тихонько сопел во сне. Он лежал на животе в кроватке, похожей на гнездышко, — круглой, с высокими плетеными краями. Лапки поджаты, а хвостик вытянут и забавно подрагивает.

Я стояла рядом, не шевелясь и почти не дыша. Никогда раньше не видела новорожденных. Какой же он хорошенький и милый! Аккуратная мордочка, крохотный гребешок, бугорки на месте крылышек. Светлая чешуя слегка отливает сиреневым.

Браслет жег запястье, напоминая, зачем я здесь. Зябко повела плечами. Потерла ладони, пытаюсь их согреть.

Надо торопиться, мать оставила малыша ненадолго.

Надо ли?

Сплотнула, борясь с подступившей тошнотой. Отступила назад, и тут же острая боль ударила в висок. На глазах выступили слезы. Шаг вперед — и боль отпустила, оставляя во рту горечь.

Надо.

— Маленький, иди ко мне.

Словно в тумане, я потянулась к дракончику и взяла его на руки, осторожно придерживая головку. Теперь активировать телепорт и бежать. Рука потянулась к браслету. Пальцы коснулись ледяной поверхности кристалла.

Нет! Не сейчас.

Голову словно стянуло раскаленным обручем.

Не сейчас!

Я разозлилась, настаивая на своем. Непослушание тут же было наказано приступом боли. Безумной, мучительной, слепящей.

Не сейчас!

Я пошатнулась и вцепилась одной рукой в край кроватки.

Не отдам!

И жар неожиданно сменился приятной прохладой. Боль исчезла.

Отдышавшись, прислушалась, не идет ли мать. Погладила малыша по спинке, лаская мягкие, бархатные чешуйки. Нежно прикоснулась губами к основанию гребешка.

Малыш сладко чмокнул губами, завозился, а потом доверчиво уткнулся носом в плечо. От него пахло молоком. Как он похож на сына! Конечно, не внешне. Ян — обычный человеческий ребенок.

Я уже поняла, что не смогу обменять одну жизнь на другую.

Прости, сынок. Мне тебя не спасти.

— Положи. Его. На место.

Наконец-то! Я медленно развернулась на голос. По меркам драконов Мира считалась миниатюрной: я запомнила ее изящной милой девочкой, примерно одного роста со мной. Чешуя цвета топленого молока, гребешок кокетливой завитушкой, почти прозрачные крылья. Сейчас же она возвышалась надо мной, грозно сверкая глазами. Побелевший от гнева гребень топорщился, ноздри раздувались, вбирая воздух, расправленные крылья подрагивали от напряжения. Когти в боевой готовности — выпущены из мягких подушечек пальцев на

всю длину. Длинный хвост нервно постукивал по полу.

— Туда. Быстро.

Не отрывая от меня взгляда, Мира ткнула лапой в сторону кровати. Меня зазнобило от ее тона, яростного и безжалостного.

Я осторожно положила так и не проснувшегося дракончика в кровать и не удержалась, погладила пальцем его хвостик. Будь счастлив, малыш.

Снова повернулась к Мире и сделала два нетвердых шага в ее сторону. Драконица схватила меня за шиворот и поволокла из детской.

— Мира, я не...

— Убью! — пообещала драконица, выталкивая в соседнюю комнату мое обмякшее тело.

Первый же удар подтвердил, что она намерена исполнить угрозу. Передней лапой наотмашь по лицу. Я чудом успела отклониться, но когти все же пропороли щеку. И тут же удар хвостом по ногам, с захватом, и резкий рывок. Я не удержалась и упала, закричав от боли. Мира орудовала хвостом, как кнутом, нанося резкие удары, разрывая одежду, рассекая кожу. Я давилась криком, не делая попыток встать или поползти, только машинально прикрывала руками голову.

— Мира! Прекрати немедленно!

— Остановите ее!

— Мира, Лесс проснулся!

— Мира, она всего лишь человек! Подумай, что будет с ребенком, если ты забьешь ее до смерти!

Сквозь боль я едва различала испуганные голоса. Папа? Мама? Олле? Нет, не останавливайте ее! Я хочу умереть! Я... хочу...

Голоса, резкие и раздраженные. И слов не разобрать. Я с трудом приходила в себя, собираясь воедино, как будто во время обморока рассыпалась на тысячу осколков. Прислушалась, цепляясь за обрывки фраз, как за якорь.

— ...место в тюрьме... Я настаиваю...

— Замолчи, Ренни!

— ...предупреждала, ваша любовь к человечке...

Жива. Лойи всемогущий, почему мне не дали умереть?

Навряд ли мне мерещится противный голос тетушки Ренни, сестры мамы Али. Только она всегда называла меня «человечка».

В ушах шумит, и звуки кажутся приглушенными. Открывать глаза было страшно, шевелиться тоже. Я прислушалась к ощущениям — боли нет. Зато тут же скрутило от воспоминаний: беспомощный Ян, которого уже никто не спасет.

— Ренни, ее поступок не останется безнаказанным, — пробасил папа Кир, — если тебя это успокоит. Но девочку нужно вылечить, прежде чем...

— Зачем? — взвизгнула тетушка. — Зачем ее лечить, если ее казнят? Немедленно сообщить о преступлении! И пусть ее забирают!

— Да за что ее казнить? — возмутился Олле. — За глупость?

— Она нарушила закон, сынок, — устало ответил папа Кир. — Ты же знаешь, людям запрещено приближаться к нашим новорожденным. И мы вправе казнить любого, кто нарушит запрет. Причина не важна.

— Но она же только хотела посмотреть, — растерянно произнес Олле. — Мира

вспылила, и ее можно понять. Лессу всего два дня от роду! А Дженни...

— Мерзкая человечка! И ее казнят! Казнят!

— Киррон, уведи отсюда Ренни, — велела вдруг мама Аля. — Дженни очнулась.

И как она узнала? Я неловко пошевелилась и открыла глаза.

— Пей, — мне протянули чашку с отваром. — Олле, помоги ей приподняться.

Вопреки ожиданиям боль не нахлынула, когда Олле поддерживал мою спину, помогая сесть. Я попыталась отказаться от лекарства.

— Не капризничай, детка. Кора закрыла раны и избавила тебя от неприятных ощущений, но ты потеряла много крови.

Пришлось подчиниться и пить, медленными глотками опорожня чашку. Я наблюдала за мамой исподлобья и не могла понять, как она теперь ко мне относится.

На вид все та же драконица — крупная, уютная, мягкая. Все та же ласковая улыбка. Только во взгляде грусть и тревога. Из-за меня? Или она переживает за внука? Но я не причинила ему вреда.

Лучше бы Мира меня убила.

— Спасибо, госпожа Алинари. — Я отдала маме пустую чашку, настороженно ожидая ее ответа.

— Принесу еще, Кора велела давать тебе много питья. — Она погладила меня по руке и вышла из гостиной.

Не поправила. Я расплакалась, уткнувшись в подушку. И на что я надеялась? Целых шесть лет прошло! Приемные родители давно вычеркнули меня из семьи. Почему же я так хотела назвать драконицу мамой? Не смогла. А она не поправила, ей все равно!

— Дженни, тебе больно? Где?

Совсем забыла, Олле все еще тут. Он присел на краешек кровати и взял меня за руку.

— Все в порядке. — Я вырвала руку и вытерла мокрые щеки.

У меня не было причин злиться на Олле. Зато раздражала его жалость. Да он меня ненавидеть должен!

— Ты же только посмотреть хотела? — помявшись, спросил он. — На маленького?

Меня словно обдало жаром. Соврать? Притвориться глупой? Ради Яна! Может, простят? И я успею что-нибудь придумать, спасти его!

Олле ждал, с надеждой заглядывая мне в глаза.

Вспомнила — драконы чувствуют ложь. Мне не удастся никого обмануть. А если сбежать? Браслет все еще у меня, одно движение — и я окажусь далеко отсюда.

И что дальше? Это не спасет Яна. А если схитрить? Сдать драконам заказчика и попросить о помощи.

— Нет, Олле. Я хотела украсть вашего сына.

Олле потрясенно молчал.

— Дженни, ты... — наконец выдавил он, но запнулся и отвернулся.

— Всего лишь гнусная мелочь? — усмехнулась я и облизала сухие губы. — Если хочешь, убей меня прямо сейчас.

— Нет. — Он покачал головой. — Будет суд. Если все так, как ты говоришь, и это не бред больной девочки...

— Я давно уже не девочка, Олле. Вот, заberi, — я сняла браслет и отдала его дракону, — кристалл активирует телепорт в замок заказчика. У него мой...

— Сынок, просила же, никаких разговоров, — недовольно произнесла мама Аля, входя в

комнату с новой порцией лекарства. — Пей, детка.

— У меня есть...

— Пей, — снова перебила мама, поднося чашку к губам. — Потом расскажешь.

Не успела. Наверное, в отвар было подмешано сонное зелье. Едва сделав последний глоток, я устало зевнула и уснула.

Глава 2

Искушение

— Мама! Ма-а-а!

Тонкий голосок сына выдернул меня из забытья. Ян захлебывался в плаче. Я бросилась на зов. В густом тумане ничего не видно.

— Ма-а-ама!

Луч света разрезал туман, выхватив дверь, которую я узнала. Вход в донжон, самую высокую башню замка. Быстрее! Внутрь!

— Ма-а-а!

Бегом вверх, по каменной лестнице, вьющейся внутри башни. Сердце колотится от страха. Ступени крошатся под ногами. Быстрее! Выше!

— Ма-ма-а-а!

Узкий проход затянут паутиной — липкой, толстой, упругой. Пальцы тонут в паучьем кружеве. Вырываю прелые куски и швыряю на пол. Быстрее! Уже можно пролезть!

— Ма-а-а!

По крыше донжона гуляет ветер. Небо затянуто низкими темными тучами. Вспышка молнии. И тут же раскат грома. Гроза прямо над башней. Снова вспышка. Успеваю разглядеть фигурку ребенка между зубцами галереи.

— Ян, нет!

Хлынувший дождь смывает его вниз.

— Ма-а...

— Не-е-ет!

Я проснулась от собственного крика, судорожно хватая ртом воздух. Села рывком, отбрасывая одеяло. И замерла.

Где я? В помещении темно, лишь немного света попадает в комнату через окно. Судя по звукам, снаружи идет сильный дождь. Ветер швыряет капли в стекло. Босые ступни чувствуют ледяной пол. Камень? Пахнет неприятно: затхлым, кислым, тоскливым. И еще лимонным и медовым. Лимон и мед? Нет, наверное, показалось.

В голове прояснилось, и вернулись воспоминания. Последнее — пью отвар и пытаюсь рассказать о Яне. Не успела. И где я теперь?

Еще раз попыталась разглядеть, где нахожусь. Сажу на кровати, жесткой и узкой. Справа окно, под ним небольшой ящик. Сундук? Чуть дальше у стены стол, рядом — два табурета. Напротив — дверь. Остальное скрывает темнота.

Пошатываясь, подошла к окну. Ноги ватные, звуки приглушены. Я все еще сплю? Сквозь плотные струи дождя едва различима серая кирпичная кладка. Где-то наверху горит фонарь, он и дает скудное освещение.

Полыхнула молния, раскатисто прогремел гром. Я отпрянула от окна и вернулась на кровать. Вероятно, это тюрьма. Драконы избавились от меня, пока я спала. Просто и быстро. Спасибо, вылечили. Чувствовала я себя вполне сносно, только слегка кружилась голова и подташнивало от голода и жажды.

Картинки из страшного сна вернулись и смешались с безнадежной реальностью. Но Яна еще можно спасти! Еще есть время! Я сорвалась с кровати и всем телом припала к двери.

Конечно же, заперта!

— Кто-нибудь! Пожалуйста! Откройте!

Звала, пока не охрипла. Плакала громко, в голос. Стучала кулаками и ногами, насколько хватило сил. Тишина. Никто не отозвался.

Всхлипывая, сползла на пол и села, привалившись боком к двери и обхватив колени. Холодно. Пусто. Горько.

— Терпеть не могу плакс.

Фраза прозвучала неожиданно. Я вздрогнула и обернулась на шум. Никого. Померещилось?

— Все еще хуже, чем я ожидал, — посетовал тот же мужской голос.

Раздался хлопок в ладоши, и в комнате стало светло.

Я зажмурилась и прикрыла глаза рукой. Щурясь, выглянула из-под ладони. На кровати сидел мужчина. Поздравляю, Дженни. Ты уже тронулась умом. Стоп! Сейчас же ночь. Навряд ли кто-то благоразумно позаботился об освещении, чтобы я смогла рассмотреть галлюцинацию. Значит, он настоящий?

Постепенно глаза привыкли к свету, и я разглядела ночного гостя.

Мужчина был молод и хорош собой: фиалковые глаза, нос с горбинкой, легкая улыбка на чуть припухлых губах, смуглая кожа, растрепанные смоляные волосы, длинная челка. Одет во все черное: кожаные брюки, наглухо застегнутая рубашка, жилетка, высокие сапоги и перчатки. Он небрежно опирался локтем о спинку кровати, закинув ногу на ногу.

Я ущипнула себя за ухо. А вдруг снова сплю? Больно! Рейо его побери, и как он тут оказался? Или я не в тюрьме?

— Где я? — На всякий случай лучше уточнить.

— Тебе и этого не сказали? — легко рассмеялся гость. И снисходительно объяснил: — В тюрьме у драконов, девочка.

Логично. А он тогда кто? Может, у них тут стражники дверью не пользуются? Не верится что-то. И не спрашивает же, зачем звала. Я вытерла лицо руками, шмыгнула носом и встала с пола. Вот и пусть сам объясняет, с чем пожаловал. Устроилась на табурете, отодвинув его подальше от кровати, и выжидающе уставилась на гостя.

— И долго будем в гляделки играть? — чуть обиженно поинтересовался он.

Я неопределенно пожалала плечами.

— Скучная ты, — пожаловался он. — Могла бы удивиться посильнее, повизжать для порядку. Совсем не страшно?

— А должно быть страшно? — Я поджала пальцы на ногах и поежилась. Пол ледяной, и в комнате прохладно, а на мне только ночная рубашка, длинная, но тонкая. — Давай пропустим визги. И говори уже, кто ты и что тебе от меня нужно.

Гость встал и широко развел руки. Прямо на глазах его облик стал меняться: кожа почернела и пошла буграми, на голове выросли два закрученных рога, глаза полыхнули огнем, туловище увеличилось в размерах, ткань лопалась и опадала клочьями, обнажая черное чешуйчатое тело.

Сердце екнуло: я узнала гостя. Черный бог Рейо, один из братьев-близнецов Двуетинства. Точно, умом тронулась!

— А так? — спросил тот, кто только что был человеком. — Страшно?

Это и стало его ошибкой. Изменив внешность, гость не позаботился о том, чтобы изменить голос. Он не подходил божественному облику, и у меня мелькнула мысль об

иллюзии.

— А где хвост и копыта? — наугад брякнула я.

В некоторых источниках упоминались и эти отличительные особенности черного Рейо, хотя официальная религия наличие хвоста отрицала. А если я ошиблась и он на самом деле бог? Сейчас как испепелит! И даже не узнаю, зачем приходил.

— Тьфу на тебя! — в сердцах сказал гость, разваливаясь на кровати.

Так и знала! Иллюзия исчезла, и я опять лицезрела молодого и наглого парня.

— Хорошо, я не он, — признался гость, — но я — его посланник. И, смотрю, хозяин в тебе не ошибся.

— Хозяин? — Сердце екнуло от нехорошего предчувствия.

И куда только делась расслабленная поза. Гость подобрался, с лица исчезла улыбка, взгляд стал жестче, брови словно срослись над переносицей. Даже двигался он теперь иначе: резко, отрывисто, скупно.

— Вижу, ты осознала важность момента.

Его снисходительный тон раздражал. Хочет, чтобы я боялась? Обойдется!

— Послушай, как тебя там, — если уж наглеть, то хоть с пользой для себя, — ты не представился, извини. Если ты посланник бога, то наверняка умелый маг. Может, наколдуешь мне стакан воды? Пить очень хочется.

В замешательстве он взъерошил пятерней волосы.

— Потом тебе захочется поесть? — Теперь это был сарказм.

— Уже хочется, — я поскребла пальцем столешницу, пряча невольную улыбку, — но голод можно и перетерпеть. А вот жажда замучила. И еще я замерзла, потому что кое-кто занял мою кровать.

— Зови меня Бесом, — произнес гость ледяным тоном. — Загляни вот сюда. — Он ткнул пальцем в сундук, стоящий под окном.

И исчез. Пожалуй, это удивило меня сильнее, чем сам визит.

Я потеряла глаза и зевнула. Гроза стихла, но дождь все еще стучал в стекло. Подошла к окну, зябко переступая с ноги на ногу. Вот бы открыть его и хоть дождевой воды напиться! Может, посланник намекал, что в сундуке вода?

Откинула крышку и закусил губу, борясь с эмоциями. Хотелось смеяться и плакать одновременно. Сверху лежала моя любимая шаль. Та самая, из пушистой белой пряжи, связанная много лет назад мамой Алей. Драконы отобрали шаль вместе с другими вещами, когда выставили меня из дома. А теперь вернули. Хоть согреюсь.

Накинув шаль на плечи, я стала копаться в вещах, сложенных в сундуке. Только одежда: нижнее белье, пара рубашек, юбка, платье, чулки, кофта. На самом дне — башмаки из тонкой мягкой кожи. В отдельном мешочке — разные мелочи вроде расчески и зубной щетки. И маленький незапечатанный конверт.

Я натянула теплые носки и забралась в кровать. Повертела конверт в руках. Очень хотелось выбросить его, не читая. Но все же открыла и вытащила сложенный вдвое листок.

«Милая Дженни! На аресте настояли представители власти. Прости нас, мы не смогли тебя защитить. Верь в лучшее и поступай так, как велит тебе сердце. Твои мама и папа».

Я несколько раз перечитала послание, а потом скомкала листок и швырнула его прочь.

Милая Дженни? Не смогли защитить? Мама и папа? Звучит как насмешка! Почерк отца, а вещи, несомненно, собирала мама. Зачем? Какое им до меня теперь дело? Чувствуют вину?

Или хотят поддержать? Помочь?

Я не успела рассказать им о сыне!

Снова заметалась по комнате. Быстрее бы утро! Надо было просить посланца о том, чтобы он разбудил кого-нибудь из стражи. Есть же тут стражники! И требовать разговора с представителем власти. Как же я сглупила! А теперь посланец исчез. Приходил ли он? Скорее, привиделось в бреду.

И на розыгрыш не похоже. Кому понадобилось шутить таким образом? Это тюрьма, и тут наверняка есть защита от магии. Значит, просто так ко мне не попасть. Я слышала немало историй о том, как к людям приходят посланники. От Лойи, светлого бога, чтобы наградить за что-то хорошее или защитить в беде. От Рейо, черного бога, чтобы покарать. Говорили еще, посланники предлагают людям службу во имя своего покровителя. Я смеялась над этими сказками. Никогда всерьез не верила в существование братьев-близнецов Двуетинства.

Точно привиделось. Не мог же этот Бес исчезнуть, так ничего и не предложив.

Я еще раз осмотрела комнату, заглянув и под кровать. С водой пожадничали, так хоть бы ведро оставили или горшок какой-нибудь. Не в углу же присаживаться, в самом деле! А до утра, пожалуй, и не дотерплю.

Это что за полоска? Я подошла к стене напротив кровати и обнаружила в ней щель, через которую пробивался свет. Часть стены легко отошла в сторону, открывая спрятанный за перегородкой санузел. Чуть не подпрыгнув от радости, я кинулась за самым необходимым.

— Умыться можешь, а пить не советую.

Очень вовремя! Хорошо, хоть оправиться успела. Тщательно вымыв руки и лицо, я вытерлась полотенцем, висевшим на крючке, и выглянула в комнату. Так и есть. Посланец по имени Бес вернулся.

— Это еще почему? — Я с трудом боролась с желанием напиться прямо из-под крана.

— Принес то, что ты просила.

Широкий жест в сторону стола. Высокая кружка и тарелка, накрытая салфеткой. Подошла поближе. В кружке — молоко с желтой масляной пенкой. А под салфеткой — хлеб и нарезанное ломтиками холодное мясо. Я чуть слюной не подавилась, только сейчас осознав, насколько голодна. Хотелось припасть к кружке и пить огромными глотками, а потом вцепиться зубами в хлеб и...

— Это мне? — Глупее вопроса не придумать.

Вместо ответа Бес закатил глаза и снова сделал приглашающий жест.

— А взамен?

Если бы он был посланцем Лойи, то я поверила бы в искренность намерений. Но Рейо ничего не дарил просто так.

Беса перекосило.

— Взамен ты меня выслушаешь.

И что его так рассердило?

— Как будто у меня есть выбор, — пробурчала я исключительно из вредности.

Отказаться от угощения я бы не смогла. Присев на табурет, первым делом напилась, стараясь не пролить ни капли. Потом чинно отщипнула хлеба и положила в рот вместе с ломтиком мяса. Как вкусно!

Бес расположился на втором табурете, напротив, боком ко мне. И устался в сторону, нервно постукивая пальцами по столешнице.

— Можешь начинать, — предложила я, прожевав второй кусок.

— Спасибо, — съехидничал Бес, разворачиваясь ко мне лицом.

— Тебе спасибо, — искренне поблагодарила я. — Ты мог бы просто подсказать, где искать воду.

— Какова же будет благодарность, когда я скажу, что могу освободить твоего сына?

Я замерла, а потом аккуратно положила обратно на тарелку очередную порцию.

— Уже не просто так.

Это был не вопрос, но Бес кивнул, подтверждая мои слова.

— Хозяин велел передать тебе следующее... — И правильно, сколько можно откладывать. Мне бы раньше догадаться, что речь пойдет о сыне! — Свобода Яна в обмен на службу. Пожизненную. Вместе с фамилиаром.

— С кем? — Я растерялась.

Собиралась спросить о службе, но последняя фраза прозвучала неприятно.

— Ты приручила дракона, теперь он твой фамилиар. Хозяину нужны вы оба.

Вот это поворот. В замешательстве я глотнула из кружки и вытерла молочные «усы» рукавом. Бес брезгливо поморщился и протянул мне салфетку. Я скомкала ее и бросила на стол.

— Нет, ты ошибаешься. Я не могла! Приручить может только маг.

— Не кричи. Ты маг. И ты приручила дракона. Или ты не знала, почему людям нельзя подходить к новорожденным детенышам?

— Но я не маг! Шейор... Он выбрал меня, потому что я не маг и приручения не будет!

— И ты ему поверила?

— А у меня был выбор?

— Выбор есть всегда.

Это прозвучало резко и хлестко, как пощечина.

Да что он знает? Кто дал ему право судить? Или он думает, что купил это право за кусок хлеба и кружку молока?

Я отодвинула тарелку, с трудом проглотив вновь подступившие слезы.

— Зря, — с досадой произнес Бес. — Ты же голодна, поешь. А я пока расскажу о службе.

Послушалась, но только чтобы успокоиться. Лучше бы этот разговор оказался кошмарным сном!

— Я сразу же заберу тебя отсюда. Перенесу в тихое спокойное место, где тебя никто не найдет. Ни Шейор, ни драконы. Ты будешь жить там вместе с сыном. Да, Ян будет освобожден и вылечен.

Он и про это знает? Что ж, похоже, все серьезно.

— Вы ни в чем не будете нуждаться, — продолжал Бес, все так же постукивая пальцами по столешнице. — Если пожелаешь, у вас будут новые имена и даже новая внешность. Ян будет учиться в любой школе, которую ты для него выберешь. К тому времени, как он повзрослеет, повзрослеет и дракон. Вот тогда и начнется твоя служба.

Слишком хорошо, чтобы быть правдой. Деньги, спокойствие, благополучие. Драконы-фамилиары настолько ценны, что даже черный бог готов платить за них высокую цену?

— Ты пройдешь обучение и станешь профессиональным магом. И вы с драконом будете

выполнять личные поручения хозяина. Не такой уж и сложный выбор, верно? Я все сказал, теперь ты решаешь. Можешь подумать, но недолго. До рассвета.

Бес встал и отошел к окну.

— О каком выборе ты говоришь? — Слова получались горькими, как полынь. — Между жизнью сына и службой у черного бога?

— Если выбор очевиден, то не будем тянуть время, — бросил Бес, не поворачивая головы.

— Ты не сказал ничего конкретного, — продолжала я, игнорируя его ответ. — Что мы должны будем делать?

— Выполнять любой приказ. Скажут прыгать — будете прыгать. Скажут убивать — будете убивать.

— Нет! — воскликнула я, испугавшись до мурашек на коже. — Я не буду никого убивать!

— Ты хорошо подумала? — Он говорил спокойным и ровным тоном, продолжая смотреть в окно. — А собственного сына готова убить? Только чтобы самой остаться чистой?

Вот как он все повернул! Чуть ли не рыча, я вскочила и запустила в Беса кружкой с остатками молока. Он небрежно махнул рукой, кружка отлетела в сторону и разбилась о стену. У него глаза на затылке?!

— Глупо. — Он наконец-то развернулся. Холодный, равнодушный и бледный. — Успокойся и прими правильное решение.

— Правильное решение?! — взвилась я, вцепившись в край стола. Руки чесались швырнуть в посланца еще что-нибудь. — По-твоему, правильное решение — это преподнести в подарок твоему богу живое существо? Или, думаешь, я не понимаю, что вам нужен дракон, а не я?!

— А хоть бы и так, — обронил Бес. — Тебе-то что?

— Чем твой хозяин лучше Шейора?!

— Он предлагает тебе выбор. А также богатство и благополучное будущее для Яна. Кстати, могу дать совет. Если не хочешь пачкать руки убийством, всегда можно приказать это фамилиару. Ты же не будешь жалеть какого-то там дракона? Вспомни, как они с тобой обошлись.

Бес скривился и снова отвернулся к окну. А я вдруг пошатнулась и осела на табурет. Буяннить дальше не было ни сил, ни желания. На душе мерзко. Мне даже показалось, что по комнате поплыл запах гнили.

Соблазн велик. Ян будет жить. Но какова цена? Снова та же! Распорядиться жизнью и судьбой малыша из рода Сиреневого Аметрина. Рода, к которому принадлежат мои приемные родители. Пусть они поступили со мной нехорошо, но они не продавали меня в рабство. И хорошее тоже было! Легкое счастливое детство. Прекрасное образование. Они платили за мое обучение, позволяя получить выгодную денежную профессию. Нет, я уже приняла решение. Там, у кровати новорожденного. И менять его не буду. Он говорит, я — маг? Тем более. Маг, имеющий в подчинении дракона? На службе у черного бога? Лойи всемогущий, спаси и сохрани!

— Нет. Я отказываюсь от предложения.

Тишина. Упорно разглядываю пятнышко на столешнице. Бес уже ушел? Нет, я не жалею. Это правильный выбор. Одна жизнь взамен многих. Пусть он уходит! Еще немного, и я не выдержу. Соглашусь. Я хочу, чтобы Ян жил!

— Я спрашиваю третий раз. Последний. — Голос звучит совсем рядом, и я поднимаю голову. Наши взгляды встречаются. И мне вдруг кажется, что там, за ледяным равнодушием, прячется сочувствие. Конечно, кажется. — Ты согласна поступить на службу к хозяину вместе с фамилиаром, выкупив жизнь своего сына?

— Нет.

Я понимаю, что больше не смогу произнести ни слова. Горло сжимается. Из глаз снова текут слезы.

Замечаю, как дрогнули губы Беса. Он протягивает руку, касается пальцем щеки, берет за подбородок.

— Ты сказала. Я услышал, — произносит он с трудом. — Прощай.

Я зажмуриваюсь, а когда открываю глаза, его уже нет. В комнате снова темно, но не так, как ночью. Скоро рассвет.

Глава 3

Допрос

Девчонка стоит посередине зала заседаний Малого Совета Старейшин и переминается с ноги на ногу. Бледная, с припухшими и покрасневшими от слез глазами. Темно-каштановые волосы расчесаны и аккуратно заплетены в косу. Одета скромно: длинная юбка в пол, блузка с длинным рукавом, белая пушистая шаль. Пожалуй, та ночная сорочка смотрелась на ней лучше. Губы дрожат, а пальцы нервно теребят край платка. Волнуется.

И что в ней особенного? Обычная девчонка. Красивая, но драконы никогда не польстятся на человеческую внешность. Умной ее не назовешь. Была бы умна, не вляпалась бы в такую историю. Однако с ночи меня не покидает дурацкое ощущение. Как будто у нее есть какая-то тайна. И не факт, что она сама о ней знает.

Напротив девчонки сидят драконы. Пять кресел расставлены полукругом. У драконов свои порядки, следователей и адвокатов у них нет. Есть кураторы и Старейшины. Первые занимаются организаторскими делами: выясняют подробности дела, опекают обвиняемого, следят за тем, чтобы соблюдались правила и законы. Скрыть что-либо от драконов невозможно, обмануть их нельзя. Магией они пользуются крайне редко, обвиняемый, истец или ответчик обычно сам все рассказывает. Старейшины проводят первый допрос, опрашивают свидетелей и выносят приговор.

Девчонка глупа. Ее поступку нет оправданий. Драконы, конечно, попытаются спасти ее сына, но сама она обречена. Такого преступления ей не простят. Вон как смотрят!

Драконица, единственная присутствующая женщина-Старейшина, прикусила губу и перебирает камни на браслете. Ее сосед справа склонил голову набок и изучает девчонку с интересом. А сосед слева лапами сжимает подлокотники кресла, и чешуйки на лбу стоят дыбом — драконы так хмурятся, — взгляд суровый и сердитый. Еще один сложил лапы на груди и то раздувает ноздри, то закатывает глаза. Последний, пятый, спокойнее остальных. Внимательно смотрит на девчонку, качает головой и даже тихонько вздыхает. Чего они выжидают?

Я сижу на скамье в дальнем углу зала. Невидим для девчонки, но драконы знают о моем присутствии. Все согласно договору. Понятия не имею, зачем я здесь. Но приказы не обсуждаются. И так влетело за ночную самодеятельность. Сам виноват. Пожалел бедную девочку! А все потому, что... Стоп! Ни к чему снова ворошить прошлое.

Какого Рейо я тут нужен? Никаких инструкций! «Сопровождай и слушай». Подозреваю, что это не задание, а наказание за предыдущий провал. Ненавижу эти игры! И свидание с Линдой снова пришлось отложить. Может, оно и к лучшему? Симпатичная блондиночка, но слишком много себе позволяет.

— Назови себя.

Наконец-то! Еще немного — и уснул бы тут.

А девчонка молчит.

— Ты слышишь?

— Простите, не могли бы вы повторить...

Очнулась. Задумалась, что ли? А голос звучит тихо, тонко. Ночью она вела себя смелее. И зачем я повелся?

— Назови себя.

— Джейн Ри.

Ри? Смешно. Окончание «ри» в женских именах обычно используют драконы, а в мужских — «он». Неужели не могли дать ей нормальное имя?

— Возраст?

— Предположительно восемнадцать.

— Предположительно?

— Никто не знает, когда и где я родилась. Меня нашли в горах, почти сразу после рождения.

Еще и найденыш. Интересно, почему драконы не отнесли ее к людям? Никогда не слышал, чтобы они брали на воспитание человеческих детей.

— Род занятий?

— Кондитер.

Так вот почему от нее так вкусно пахло! Сладким, сдобным и немножко пряным. А я-то вообразил!

— Расскажи, что произошло.

— Я пыталась украсть новорожденного дракона, но не смогла.

И молчит. Это все? Кто же так рассказывает! Нет, молчит. Глупо! И где слезы? Просьбы? Что, и про сына уже забыла? Хороша мать!

Зато драконы заговорили все разом.

— Тебе помешали?

— Не смогла или передумала?

— Почему пыталась?

— Зачем тебе дракон?

Накинулись. И тут же неловко замолчали, переглядываясь.

— Расскажи о своем детстве.

Неожиданно. Это спросил тот самый, что вздыхал и качал головой. Девчонка даже растерялась. Вскинула голову, тряхнула волосами.

— Детство... ну... оно было хорошим.

И снова молчит. Наматывает на палец кончик косы. Я бы тоже не знал, о чем говорить. Наверяд ли драконов интересует, как она играла в куклы или отрывала майским жукам крылышки. Хотя эта не отрывала. Скорее, собирала в баночку и насильно кормила молодой листвой.

Поморщился и вздохнул, вспомнив ее отказ сотрудничать с черным богом. Зачем вообще был нужен этот спектакль? Как же бесит, когда меня используют втемную!

— Тебя обижали?

— Нет! Конечно, нет.

Вот и голос прорезался. И сколько в нем возмущения!

— Ты голодала?

— Нет.

— Чувствовала себя несчастной?

— Никогда! Меня никто не обижал, я ни в чем не нуждалась. Я была членом семьи.

Была? Значит, что-то изменилось. И? Хоть что-то интересное.

Помявшись, девчонка признается:

— Я почувствовала себя плохо только однажды, когда поняла, что я — не дракон и никогда им не буду.

— И тогда ты задумала отомстить семье, воспитавшей тебя, как собственного ребенка, — тяжело роняет один из драконов.

Девчонка вздрагивает всем телом. Отвечает не сразу, и по голосу слышно: она с трудом сдерживает слезы.

— Нет, я никогда... не мстила... не хотела... Нет. Я тогда маленькая была. А потом... Никто же не виноват, что я родилась человеком.

Глубокомысленное изречение. Чуть не расхохотался в голос. Хорошо, вовремя спохватился. Рейо всемогущий, она действительно такая наивная или удачно притворяется?

— И все же ты обижена на своих приемных родителей, — мягко замечает драконица.

— Д-да...

— Почему?

— Мне исполнилось двенадцать, и мне сказали, что я больше не могу жить дома. Я должна учиться профессии и привыкать к людям, мое место среди них. Меня отправили в школу-интернат в Крагоше.

И что тут обидного? Покидать родной дом трудно, но ее же не на край света отправили. Учиться. А королевство Крагоша граничит с долиной Армансу, где живут драконы. И близко, и связи между странами давние, тесные.

— Я думала, что смогу бывать дома по выходным или на каникулах, но драконы запретили. Родители... они отобрали все мои вещи. Ничего не позволили взять с собой. И ни разу не навестили. Я была любимой дочкой, а стала сиротой.

Так вот в чем дело. Что ж, ее чувства можно понять. Но, возможно, у драконов были на то причины? Она хоть задумывалась об этом? Судя по дрожащему голосу и обиженному тону — нет.

— Тебе плохо жилось в интернате?

Глупый вопрос! Конечно же, везде хуже, чем в родном доме.

— Там... все не так... — шепчет девчонка. — Но я... привыкла. Нет, там я тоже не голодала, — уже чуть громче и увереннее, — и условия были хорошие. Приемные родители оплачивали мое обучение и содержание. А я старалась стать лучшей. И стала. Мне даже предлагали место в королевском дворце!

Чуть не присвистнул, но вовремя опомнился. Девчонка скромно умолчала, что обучалась в королевской школе подмастерьев, самой престижной школе Ривеннеля, столицы Крагоши. Прислугу во дворец набирают только из выпускников этой школы.

— Вот именно! Тебе предлагали работу в королевском дворце, а ты оказалась... Где?

— В поместье баронетов Фринке. Из-за Яна, моего сына. Он тогда только родился, во дворец с ним было нельзя. А в поместье... Я наняла няню в ближайшей деревне и могла навещать сына по выходным.

— Когда ты успела выйти замуж?

— Я не была замужем.

Ожидал, что девчонка смутится, но она ответила ясным и чистым голосом, без тени стыда. Родить ребенка без мужа — смелый поступок. Может, это и есть ее тайна? Кто отец ее ребенка?

— Кто отец Яна? Почему он не женился на тебе?

— Конечно, у Яна есть отец. Но я с ним не знакома.

Ее изнасиловали?!

«Успокойся, пожалуйста, — прозвучал в голове знакомый голос. — Потеря

невидимости».

«Прошу прощения...» — буркнул в ответ, восстанавливая иллюзию. Хорошо, что нахожусь позади девчонки, хоть и вижу ее немного сбоку. Главное, она не успела меня заметить. И чего я так распсиховался?

«Потому что она...» — услужливо начал нашептывать тот, о ком я мечтаю забыть.

«Молчать!»

— Ян... он не родной мой сын, хотя я люблю его, как родного, — продолжает тем временем девчонка. — Он сын моей подруги. Ее... обманули, а потом ее семья отказалась и от нее, и от этого ребенка. Подруга умерла сразу после родов.

Рейо побери! И почему я улыбаюсь, как идиот?

— Как ты смогла получить опеку над ребенком?

Хороший вопрос. Без мужа-то и в семнадцать лет.

— Подкупила судью.

Всего-то! Ай да девчонка!

— А где деньги взяла на взятку?

Тяжелый вздох. Пришло время очередного признания?

— Приемные родители открыли мне счет в банке, в Ривеннеле. Чтобы после окончания школы я могла распорядиться деньгами по своему усмотрению. Отец написал в письме, что денег хватит либо на оплату обучения в университете, либо на приличное жилье, возможно, даже домик в пригороде. Я должна была сама решить. И я... решила.

— Все деньги пошли на взятку?

Кивок.

Сильна! Одним махом отказаться от обеспеченного будущего ради сына подруги. А по ней и не скажешь. Смотрю на девчонку с интересом, заново оценивая ее поведение. Не глупость, а порядочность? Но ведь преступница! Даже хуже — предательница.

— А как ты оказалась у Шейора?

— Поместье Фринке — охотничьи угодья его величества короля Грея.

Точно! А его сиятельство баронет Фринке — королевский егерь. Поместье-то на болотах, потому и охотятся там летом на птиц, в этих самых болотах обитающих. Говорят, псарня там еще знатная.

— Сначала я не понимала, зачем им понадобился кондитер. Семейство Фринке вело уединенный и аскетичный образ жизни, из еды предпочитая каши и кисели. Я служила на побегушках у их повара. Но жалование платили хорошее. У Яна была кормилица и все необходимое. А летом, когда в поместье нагрязнула королевская охота, все изменилось. Я с утра до ночи готовила десерты, торты и пирожные. Его сиятельство граф Шейор тоже там гостил. Он выкупил у Фринке мой контракт.

Королевский алхимик — сладкоежка? Иначе зачем было ему перекупать девчонку? Уже тогда задумал послать ее за драконом? Но почему? Что в ней такого? Откуда он мог узнать о том, где она воспитывалась? Девчонка сама разболтала?

С удивлением замечаю, что это дело меня заинтриговало. Вот бы мне допросить ее! У меня много вопросов. А драконы интересуются не тем, чем надо.

— Кому ты рассказывала о том, что выросла в семье драконов?

— Никому. Мне запретили об этом говорить. Даже подруга не знала. Никто не знал.

— Это неправда.

— Да нет же...

— Вспомяни.

— Разве что Яну. Но ему только год! Я просто рассказывала о драконах, рисовала картинки. Как сказку.

Драконы молча кивают, не уличают во лжи. Их нельзя обмануть.

— Как давно ты работаешь на Шейора?

— Недолго. Неделю.

Много ли времени нужно человеку, служащему в королевском Конклаве магов, чтобы раздобыть информацию? Неделя — приемлемый срок. Но почему? Что же такого необычного в этой девчонке?

— Итак, ты решила навестить приемную семью...

— Меня вынудили, — уточняет девчонка, перебивая Старейшину.

— Расскажи, — предлагает он, не замечая неучтивость.

— Хозяин вызвал меня к себе в кабинет. Обычно он передавал распоряжения через главного повара, но я ничего не заподозрила. Мало ли, может, у него появились особые пожелания. Но я ошиблась. Он заявил, что знает о моей приемной семье. И я должна вернуться к ним и раздобыть для него новорожденного дракона.

Девчонка тщательно выговаривает слова, и заметно, что внешнее спокойствие дается ей с трудом. Слушаю, затаив дыхание. Ну же! Что заставило тебя пойти на предательство?

— Я сказала ему, что он сошел с ума, а я никогда этого не сделаю. Тогда он объяснил мне... — она запнулась и немного помолчала, прежде чем продолжить: — Он украл моего сына и дал ему выпить яд. Противоядие в обмен на дракона. Срок — неделя.

Знакомые методы! Горло словно сдавило огненным обручем. Рванул ворот рубашки, как будто это могло помочь. Отлетевшая пуговица упала и покатила по полу. Девчонка испуганно обернулась.

У меня перехватило дыхание. Как же они похожи! И думать не хочется, а не получается. Чуть раскосые глаза, такие же темные и бархатные, как южная ночь. Густые ресницы. Идеально прямой нос. Губы, как спелая ягодка. Хочется взять эту заплаканную мордашку в ладони, осушить мокрые щеки... Тряхнул головой, отгоняя наваждение. Соберись, быстро! Эта девушка — не она! И никогда ею не будет.

Девчонка скользнула взглядом и снова повернулась к драконам. Не заметила. А могла бы. Разрушить иллюзию совсем не сложно.

— И ты решила, что жизнь твоего сына важнее любой другой.

Фраза прозвучала как утверждение. И девчонка кивает, соглашаясь:

— Да, решила.

— Расскажи, что было дальше.

— Плохо помню. Какие-то обрывки, как будто все происходило во сне. Шейор назначил срок и дал кристалл с порталом, чтобы я могла вернуться в замок. У меня был ключ с кодом, настроенный на дом приемных родителей. Я получила его после окончания школы, с приглашением...

— Так тебя все же ждали обратно?

— Наверное, — девчонка мнется и признается с трудом, — да, ждали. Но я не захотела возвращаться.

Старейшины молчат, и она продолжает:

— Помню, как металась в поисках сына. Мне все казалось, Шейор обманывает и Ян с няней. Потом с трудом дождалась рассвета: ближайший стационарный портал в Ривеннеле.

Не помню, как добралась до него. Порог дома... — Девчонка сглатывает, судорожно переводя дыхание. — Меня встретила мама Аля... — Она запинается и поправляется: — Госпожа Алинари. Она и рассказала мне о внуке. Я улучила момент и пробралась в детскую.

Девчонка не выдерживает и прячет лицо в ладонях. Вижу, как вздрагивают ее поникшие плечи. Старейшины молчат. Мне жутко от тишины, нарушаемой отрывистыми всхлипываниями. Но девчонка справляется со слезами. Вдруг распрямляется и вытирает щеки.

— Я думала только о том, чтобы украсть малыша. Только об этом. Я могла бы рассказать обо всем родителям и попросить о помощи. Но я думала только о том, чтобы украсть.

Слова могут причинять боль, но обычно тем, к кому они обращены. Девчонка же хлестала ими себя. Наотмашь. Безжалостно.

— Когда взяла малыша на руки, поняла, что я совершаю нечто ужасное. Но было уже поздно. И я готова ответить за преступление, которое совершила.

Поморщился, как от кислого яблока. Никогда не любил пафос. Но что-то в ее словах меня насторожило. Как-то искусственно прозвучало — то только о краже думала, то вдруг осознала... А драконы? Драконы молчат. Значит, правду говорит, так и было. Но так не бывает! Разве что имело место ментальное принуждение. И тогда получается, девчонка не виновата? Интересно, как Старейшины разберутся с этим непростым делом. Столько всего намешано! И девчонка-то не простая. Зря, что ли, меня отправляли ее вербовать?

— Скажи, ты знаешь, почему людям нельзя приближаться к новорожденным драконам?

— Знаю. — Девчонка облизывает потрескавшиеся губы.

— И почему?

— Если человек — маг, то происходит приручение и дракон оказывается в подчинении у человека.

— Получается, Шейор планировал убить тебя. Ты не догадалась?

— Зачем ему меня убивать?

Какая наивная! Его сиятельству ни к чему свидетели преступления.

Старейшины хмурятся. Вопросы тут задают они, таковы правила. Но все же драконица поясняет:

— Ты приручила дракона, и Шейору нужно было убить тебя, чтобы фамилиар достался ему.

— Но я не знала, что я маг! — вырывается у девчонки. — Он сказал, что нет. Обманул... и...

Ее голос дрожит. Кажется, до нее дошло, что Ян был обречен с самого начала.

— Откуда ты знаешь, что обманул? Кто сказал тебе, что ты маг?

Попалась! О фамилиаре говорил ей я. Интересно, как она будет выкручиваться?

— Думаю, это был сон. Да, сон. Может, я все же не маг?

Полночи распинаясь перед девчонкой, а она считает меня сном! Обидно. Рейо ее побери! Впрочем, ничего удивительного. Как только она уснула, пришлось заметать следы. Утром она не обнаружила ни осколков от кружки, ни тарелки с остатками еды.

— Маг, — подтверждает драконица.

— Но Шейор не должен остаться безнаказанным! — Девчонка сжимает кулаки и делает шаг вперед. — А если он найдет другого исполнителя и у него получится?

Ого! Разошлась. А Старейшины не останавливают, внимательно слушают.

— Замок под охраной, но магией защищены только его личные покои и лаборатории.

Там же нет источника, все на кристаллах.

Мне становится скучно. Понятно, Шейору тоже не уйти от правосудия. Его величество король Грей не будет рисковать многолетней дружбой с драконами ради амбиций какого-то алхимика. Пусть он хоть трижды граф.

И все же почему? Что заставило Шейора так рисковать не только собственной карьерой, но и жизнью? В королевском ковене нет случайных людей.

Кстати, надо хоть глянуть на переплетение аур. Никто из ныне живущих людей этого не видел. Время фамилиаров давно прошло.

Перехожу на магическое зрение, рассматриваю ауру девчонки. И не верю своим глазам. Вот отгадка поведения Шейора!

Провалиться бы мне на этом самом месте! Но как? Как такое возможно?! Пялюсь на ауру, как влюбленный поросенок, до ряби в глазах. Щиплю себя за руку, убеждаясь, что не сплю.

Пожалуй, пора и мне задать кое-кому пару вопросов.

«Ты не имеешь права просить за сына».

Сухой голос звучал в голове, повторяя равнодушную фразу.

Ни объяснений, ни желания выслушать. Даже договорить не дали!

Лойи всемогущий, где найти силы пережить этот отказ?

Старейшины объявили, что у них больше нет вопросов, и ушли. Я выбралась из зала и остановилась в коридоре. Отчего пол шатается? Пожалуй, подожду куратора тут. Ледяной камень приятно охлаждал кожу, вытягивал жар. Я прижалась к стене щекой.

— Что с тобой? Тебе плохо?

С трудом разлепила губы, чтобы ответить:

— Они тоже отказали. Слово в слово. Как и вы...

Манори покачала головой, нахмурившись.

— Пойдем-ка.

Цепко подхватила под локоть и потащила за собой. Я не сопротивлялась, но еле-еле успевала переставлять ноги. Пол все так же качался, лицо пылало, голова раскалывалась от боли.

Я знала, куда Манори меня ведет. Обрато в комнату, отведенную мне на время следствия.

Тюрьма? У драконов нет тюрем. Несколько помещений на втором этаже здания суда, специально оборудованных для содержания людей. И охраны-то никакой нет. Зачем, если побег бессмыслен? Драконы могут найти любого человека, как бы он ни скрывался. А мне и прятаться негде.

На ночь меня заперли для моей же безопасности. Чтобы не бродила в темноте по коридорам и не сломала шею на лестнице. И некому было прийти на зов. Да и вообще, они не сомневались, что я спокойно просплю до утра.

Я узнала все это от Манори, моего куратора. Степенная драконица из рода Миртового Авантюрина вела себя вежливо и бесстрастно. Она холодно оборвала мои мольбы о Яне теми же словами, что позже повторили Старейшины: «Ты не имеешь права просить за сына». Зато подробно рассказала о том, что меня ждет.

Первый допрос ведут Старейшины.

— Надеюсь, ты понимаешь, любая ложь обернется против тебя.

О да! Я знала, драконам нельзя соврать.

— Потом ты ответишь на все мои вопросы. Можешь выбрать, ментально или вербально.

Решила разобраться с этим позже.

— При тебе Старейшины опросят свидетелей.

Придется выдержать и это испытание.

— Потом Старейшины решат, что с тобой делать.

Кто из нас умрет раньше, я или сын?

Все же спросила, можно ли обратиться к Старейшинам с просьбой. Манори ответила, что это не запрещено, но посоветовала дождаться окончания допроса.

«Ты не имеешь права просить за сына».

Я всхлипнула, мысленно потянувшись к Яну. Белокурые кудряшки, ясные глазки цвета

осеннего неба, пухлые щечки, родинка над верхней губой. Теплая нежная кожа с запахом молока и ромашки.

— Сядь!

Очнувшись от грез, я обнаружила, что мы уже пришли. Опустилась на табурет и потерла пальцами виски. Головная боль мешала сосредоточиться. Растерянно скользнула глазами по столу и поморщилась. Накрыто к обеду: глубокая глиняная миска с густым грибным супом, щедро сдобренным сметаной и зеленью, салат из свежих овощей, жаркое с пряностями... Ароматы вкусной еды вызывали не аппетит, а тошноту. Я отвернулась, чуть ли не зажимая нос пальцами.

— Пей!

Манори сунула мне чашку с пенистой жидкостью зеленоватого цвета. Я осторожно принюхалась. Мята и смородина?

— Пей, это лекарство.

Послушно сделала глоток. Облизнулась и жадно припала к чашке. Кисловатый напиток был прохладен, вкусен и животворящ. Я забыла и о тошноте, и о головной боли. Даже тревога отступила, как будто кто-то ласково шепнул на ухо, мол, все будет хорошо. Я вспомнила, что отказалась от завтрака, и потянулась к ложке.

— Приятного аппетита, — сказала Манори. — Я вернусь, когда ты поешь.

Обедала я неспешно и с удовольствием. И даже без угрызений совести, хотя умом понимала — в питье добавлено успокоительное. Еда напомнила мне о детстве. Мама Аля стряпала точно такой же суп: она всегда добавляла в него веточку тихоцвета, для особого аромата. Странно, тут так вкусно кормят. Наверяд ли кто-то специально готовит для меня. Или это входит в обязанности куратора?

Я подчистила все тарелки, собрав хлебом и мясную подливку, и масляно-овощной сок. Запила все земляничным киселем, сыто икнула, вздохнула и поплелась мыть посуду. Заодно умылась сама, вернулась к столу, снова опустилась на табурет и чинно положила руки на колени. Рейово лекарство! Ненавижу драконью магию!

Яркая вспышка заставила зажмуриться. Что это? И настроение изменилось — как будто спала печать, сдерживающая тревогу. Но углубиться в переживания не удалось. Манори вернулась и тут же приступила к делу.

— Дала бы тебе отдохнуть до завтра, но у нас мало времени, — объявила она.

— Не терпится от меня избавиться? — скривилась я.

Манори уставилась на меня, как на чудовище.

— Мне казалось, ты беспокоишься о сыне, — сдержанно произнесла она немного погодя. — И его жизнь зависит от того, насколько быстро он получит противоядие.

В глазах потемнело, горло сжал спазм. Я судорожно пыталась вдохнуть воздух, но получались только хрипы. Манори взяла меня за руку:

— Тише, Джейн, тише. Вдо-о-ох... Медленно... Еще раз... Выдох. Еще раз, вдо-о-ох... Выдох. Все? Успокоилась?

Я кивнула, потом отрицательно помотала головой. Как тут можно успокоиться! Драконы все же спасут Яна! А вдруг мне только показалось?

— Вы же сказали, я не имею права... — Я вцепилась в лапу драконицы, умоляюще заглядывая ей в глаза.

— Просить, — перебила Манори и мягко освободилась от моей хватки. — Мы поможем ребенку, если это в наших силах. И многое зависит от тебя.

— Я готова!

Все что угодно! Уж драконы-то не будут требовать плату. Да и нет у меня ничего ценного. Малыш, невольно ставший фамилиаром, в безопасности. Моя жизнь? Она не стоит ничего и уже принадлежит драконам.

— Нам нужен подробный рассказ о замке Шейора. О нем самом — все, что знаешь. О вашем с ним разговоре. Как уже говорила, ты можешь показать, то есть вспоминать, как все происходило, а я буду считывать это ментально. Если тебе неприятно такое вмешательство, можешь описывать словами. Все, что помнишь, включая цвета, размеры, запахи, звуки...

Представила, сколько времени займут такие описания. Много. А ведь дорога каждая минута!

— Ментально же лучше? — уточнила я. — И быстрее, да?

— Да, — согласилась Манори.

— Ментально, — без колебаний согласилась я.

— Тогда приляг. Тебе будет удобнее. И покажи мне, как ты прибыла в замок. Телепортом?

— Нет, от ближайшего стационара до пригорода...

— Не говори, показывай.

Я послушно закрыла глаза и представила себя выходящей из портала в Ривеннеле с Яном на руках.

Стационарные порталы традиционно располагались на открытом пространстве, вне помещений. Этот, на юго-востоке столицы, не был исключением. Промозглый ветреный день остался в поместье баронетов Фринке, а тут пахло теплом, солнцем и яблоками.

Поставила Яна на ножки, чтобы снять и свернуть дождевик. Малыш завертел головой, осматриваясь в незнакомом месте. Мы стояли у подножья холма. Чуть выше, на склоне, — фруктовый сад. Проселочная дорога огибает холм и теряется за поворотом. Поодаль — транспортная станция.

— Нам туда. — Я снова подхватила Яна на руки.

Мы путешествовали налегке, из багажа — только сумка через плечо с самым необходимым: деньги, документы, бутылочка молока для сына и сменные одежды. Остальное уже в замке. Пришлось оплатить недешевую услугу телепочты: опасалась, что не управлюсь и с ребенком, и с вещами.

На станции было оживленно и шумно. Готовились к отправлению два экипажа: пассажиры рассаживались по местам, слуги занимались багажом, возницы проверяли упряжь. Из конюшен доносилось ржание лошадей. Под матерчатым навесом громко спорили трое мужчин. Торговки сновали с корзинками, предлагая снедь в дорогу: пирожки, булочки, фрукты, орешки, леденцы.

Ян вертелся на руках, подпрыгивая от любопытства. Я же быстрым шагом направилась в контору к управляющему. Лишь только назвала свое имя, и меня тут же проводили к экипажу. Пара каурых кобылок, запряженных в коляску с откидным верхом, топтались на месте, изнывая от ожидания. Возница в ливрее помог мне подняться внутрь и устроиться на сиденье.

— Цвета Шейора — зеленый и серый? — зачем-то спросила Манори.

— Ливрея была перламутрово-зеленая, с платиновой окантовкой, — уточнила я.

— Ты разбираешься в оттенках? — удивилась куратор.

— Конечно, — позволила себе слегка улыбнуться. — Я могу по цвету чешуи определить род любого дракона.

— Хорошо, продолжай. Итак, вы тронулись. Поместье Шейора далеко от столицы?

— Не поместье, замок. Так он называл свой загородный дом. Тогда я еще не знала, как далеко...

Мы путешествовали не спеша. Я боялась, что Яна растрясет, и возница кивнул в ответ на мою просьбу ехать помедленнее. Сначала вдоль проселочной дороги тянулись поля: желтые — с цветущим топинамбуром, зеленые — с капустными головами, золотистые — с созревающими тыквами. Потом мы пересекли рощу, и началась череда живых изгородей, отличающихся друг от друга высотой, толщиной и изысканной стрижкой. Королевский Пригород — владения знати. К владениям графа мы свернули спустя час с небольшим.

Дорогу обступали огромные деревья. Переплетаясь кронами, они образовали зеленый арочный коридор. Ажурные листья пропускали достаточно солнечного света.

Ян устал и закапризничал. Пока поила его молоком, не смотрела по сторонам. Потом малыш задремал, а я обнаружила, что мы подъезжаем к замку.

Каменное сооружение находилось на возвышении. Округлая стена, широкие зубцы наверху. Мост через ров, заполненный водой. Массивные ворота между двумя башнями, соединенными со стеной. За зубцами поднимается к небу донжон — главная башня замка.

За воротами огромный двор...

— Джейн, посмотри на меня, пожалуйста, — прервала меня Манори.

Я послушно открыла глаза:

— Что-то не так?

— Да, не так, — кивнула драконица. — Ты показываешь правильно, но это то, что ты помнишь осознанно. Ты же волновалась в тот момент?

— Конечно, — кивнула я. — Незнакомое место, новые люди. На следующий день мне нужно было приступить к работе, а я еще не видела няню. Шейор обещал, что она уже будет ждать. Он позаботился обо всем. Но вдруг она мне не понравится? Я нервничала.

— Ты видела все, но не запомнила. Мне нужны подробности.

— И как их показать? — растерялась я.

— Ты не сможешь. Разреши мне заглянуть глубже. Это не больно, ты ничего не почувствуешь.

— Даже если больно, я согласна, — перебила я Манори. — Мне нечего скрывать. Почему вы сразу не проводите ментальное считывание? Все эти вопросы, допросы, свидетели... Зачем? Достаточно же просто посмотреть.

— Все не так просто, как ты думаешь, Джейн. — Драконица отвернулась и вздохнула.

— Сложная магия? Нужно много сил?

— Это вообще не магия. Скажи, как бы ты описала закат солнца слепому?

— Не знаю, — призналась я, подумав.

— Вот и я не знаю, как объяснить тебе, что чувствует телепат. Это неприятно и неэтично. Ни один дракон не начнет ментальное считывание без разрешения и по собственной воле.

— А люди? — вырвалось у меня.

— Люди живут по своим законам. — Манори поджала губы. — Но мы теряем время. Я могу начинать?

— Д-да. Что мне делать?

Внезапно снова заломило виски, а к горлу подступила тошнота. Нет, я не передумала. Я знаю, что драконам можно доверять. И скрывать мне нечего. Но все-таки стало страшно. Если бы от этого не зависела жизнь Яна, пожалуй, отказалась бы!

— Думай о том дне. Это поможет быстрее найти нужное воспоминание.

Я едва понимала, о чем говорит Манори. Нет, не надо! Я еще не готова!

— Джейн, что с тобой? Вместо того чтобы открыться, ты воздвигаешь стену. Боишься? Или передумала?

— Нет! Я... сейчас...

Сглотнула, поморщившись. У моего страха горький вкус. Надо сосредоточиться на том, что действительно важно.

Итак, коляска остановилась перед двухэтажным зданием. Возница распахнул дверцу...

— Смотри на камень.

Он раскачивал цепочку с граненым алмазом в серебряной оправе. Камень светился изнутри, завораживал.

— Спать. Ты хочешь спать. Ты спишь. На счет три...

Шейор монотонно тянул слова, одновременно властно приказывая.

— Один... два...

— Три... — шепнула темнота голосом Манори. — А теперь смотри...

Толчок в спину, заставивший меня сделать шаг вперед. Зеркало в полный рост. Мое отражение — девочка в белоснежном переднике и сером платье прислуги. От легкого прикосновения зеркальная поверхность покрывается трещинами. Стекло превращается в песок и осыпается. Теперь это окно, за которым знакомая комната.

Комната Шейора. Никаких излишеств — кабинет, письменный стол, несколько стульев и два кресла. Темные цвета, темные шторы на окнах. Полумрак. Вспоминаю, там всегда прохладно, как в погребу.

Тлеют угли за каминной решеткой. Граф убирает в карман камень на длинной цепочке и опускается в кресло. Он сосредоточен. Тщательно разминает длинные тонкие пальцы, противно шелкая суставами. Достает платок и вытирает испарину со лба. Привычно касается шрама на правой щеке.

— Имя?

— Джейн.

Вздрагиваю и узнаю себя. Это я полулежу в кресле напротив. Глаза закрыты. Я сплю.

Шейор продолжает задавать вопросы. Я слышу собственные ответы и цепенею. Это я! Я рассказала ему о драконах! Все-таки я... Сама...

— Замолчи! — кричу, бью кулаком в стекло. — Замолчи!

Все исчезает. Меня словно подхватывают чьи-то сильные руки. Лапы? Мне лет пять, и я сижу на коленях у мамы Али. Сердито дую на разбитую коленку. Слезы катятся по щекам. Больно.

Мама терпеливо протирает ссадины тряпочкой, смоченной жгучим раствором. Успокаивает. Гладит по голове.

Помню этот урок. Мама могла бы вылечить мою коленку без лекарства. Магией. Но не

стала, потому что я подралась с соседскими мальчишками. И неважно, кто был прав, а кто виноват. Ведь я нарушила запрет и сбежала из дома.

— И так прекрасно заживет, — мама целует меня в макушку.

И я снова вижу себя со стороны.

Тогда я плакала и от обиды, но восприняла жестокое решение как наказание и смирилась.

Сейчас я понимаю маму. Каждый несет ответственность за собственный выбор.

Я проснулась от легкого прикосновения к щеке.

— Мам... — пробормотала все еще во власти сна, не открывая глаз.

— Джейн, надо встать, — мягко попросил знакомый голос.

Не мамин.

Вспомнив, где нахожусь, я села и спустила ноги с кровати. За окном стемнело. Щурясь от яркого света, заливающего комнату, посмотрела на Манори.

— Получилось?

— Да, — кивнула она.

— Я почти ничего не помню. Только...

— Знаю. В том нет твоей вины, тебя никто не учил противостоять гипнозу. Поужинай и ложись спать. Завтра трудный день.

Хотела отказаться, но почувствовала, что голодна. Нос уловил запах горячей выпечки.

— Завтра допрос свидетелей?

При одной мысли об этом в животе скручивался тугий узел.

— Нет. Завтра ты идешь спасать сына, — спокойно ответила Манори.

Глава 5

Задание

Думала, всю ночь глаз не сомкну, а уснула, едва голова коснулась подушки. Удалось выспаться — без сновидений, истерик и странных визитов божественных сущностей.

Манори еще вечером рассказала, что мне отдадут браслет с кристаллом-телепортом, и с его помощью я должна буду вернуться в замок, к Шейору. Героических поступков от меня никто не ждал и на растерзание магу-алхимику оставлять не собирался. Но задание дали, и я намеревалась выполнить его, чего бы мне это ни стоило.

Утро прошло в ожидании. Заглянувшая после завтрака Манори была немногословна: — Группа прорабатывает детали. Жди.

И я ждала, терзаемая мыслями о сыне и предстоящем испытании. Боялась ли? О да! А вдруг у меня не получится? Глупо считать, что у драконов нет запасного варианта. Но и формальным мое задание назвать нельзя.

Почему драконы согласились помочь? Ведь даже слушать ничего не хотели! «Ты не имеешь права...» Просить? Хорошо, я для них преступница, хотя меня еще официально не осудили. Ладно, будем смотреть правде в глаза. Я — преступница. И наказание — лишь вопрос времени. И просить о чем-то не имею права. Но ведь можно было сразу сказать, что помогут! Пусть даже не в ответ на просьбу, а потому... А почему? Зачем они спасают Яна? Какое им дело до человеческого детеныша?

Вопросы, вопросы... Я поежилась и зябко укуталась в шаль. Вроде бы не холодно, а меня бьет дрожь. Как там мой малыш? Что с ним? Шейор ничего не сказал о том, как будет действовать яд. Мучается ли Ян? Терзает ли его боль? Кто заботится о нем? А если его заперли одного? И он все время плачет... Зовет меня...

Я нервно кусала губы, стараясь держать себя в руках. Группа работает. Яну помогут. Все будет хорошо. Никогда не молилась по собственной воле, но сейчас слова сами слетали с губ:

— Лойи всемогущий, спаси и защити! Пожалуйста, помоги Яну. Он невинный младенец и ничем не заслужил мучений. Пусть все беды обойдут его стороной. Пошли их на меня. Я заслужила твой гнев. Я согласна принять любую кару, только помоги Яну...

— Лучше помоги ему сама.

Я вздрогнула, услышав знакомый голос. Не заметила, как вернулась Манори. Смотрит неодобрительно. Драконы не верят в богов. У них нет храмов, они не почитают ни Лойи, ни Рейо. До двенадцати лет я была такой же. Да и сейчас настоящей веры во мне нет.

— Лойи хотя бы не запрещает просить, — буркнула я и тут же прикусила язык, испугавшись собственной дерзости.

— Тот, кто не существует, не может ни запретить, ни разрешить, — насмешливо ответила Манори. — Вы, люди, предпочитаете выдумывать волшебство вместо того, чтобы созидать его.

Я молча отвернулась — боялась нагрубить. Ни к чему усугублять свое положение, пока Ян у Шейора.

— Ну-ка, посмотри на меня, — велела Манори и продолжила, как только я повиновалась: — А теперь произнеси то, что на языке. Ну же, давай! Не бойся.

Пожалуй, я бы отказалась, но куратор не выглядела рассерженной.

— Меня никто не спрашивал, хочу ли я верить в богов. Но когда негде искать утешения,

сойдет и тот, кого нет.

— Какой же ты еще ребенок! — вырвалось у Манори. — Дженни, что важнее, слова или поступки? Ты хоть раз задумывалась над этим?

— Конечно поступки, — растерялась я. — Это же просто.

— Просто? Тогда очнись и перестань искать утешение в словах, которые сами по себе ничего не значат. Попробуй оценить то, что делают для тебя, и то, что делаешь ты сама. Потом, когда вернешься.

— Когда вернусь...

— Пора. Держи, — Манори протянула мне браслет с кристаллом. — Ты же знаешь, как его активировать?

— Д-да...

— В чем дело? Ты передумала?

— Нет!

— Тогда вперед. Действуй, Джейн. Не рассуждай.

Я приложила подушечку большого пальца к поверхности кристалла и с силой вдавила камень в оправу.

Мгновение — и я в замке Шейора. В том самом темном кабинете, где мы беседовали в последний раз. Повеяло холодом, пахнуло сыростью. Его сиятельства тут нет.

Я успела сделать лишь шаг по направлению к выходу. Шею сдавила ледяная петля. Охранное заклинание! Толчок в спину. Неловко взмахнула руками и упала лицом вниз. Тело придавило так, что невозможно пошевелиться. Шея в тисках — ни вдохнуть, ни выдохнуть. Захрипела, задыхаясь. Рейов алхимик! Дай мне хотя бы шанс!

Он дал. Появился, когда я почти потеряла сознание. Ухо уловило скрип отворяемой двери. Тихие неторопливые шаги. В легкие хлынул воздух. Закашлялась, давась им, судорожно выравнивая дыхание.

— Так-так... Дженни вернулась.

Низкий бархатисто-обволакивающий голос прозвучал без тени волнения. Я все еще не могла пошевелиться, но готова была поклясться — Шейор улыбался. Как обычно — добродушно, склонив голову набок. Его характер выдавали глаза: темное серебро, подернутое коркой льда. В остальном же его сиятельство вполне успешно играл роль мягкого и простодушного человека. Для меня маска исчезла в тот день, когда он взял в заложники Яна.

Болезненный толчок в бок перевернул меня на спину. От резкого движения и невозможности управлять собственным телом я ударилась затылком. Шейор не спешил снимать магические путы. Боялся? Скорее, наслаждался своей властью.

— Ты вернулась. Выполнила задание?

Он стоял рядом, но я видела лишь начищенные сапоги. Удачно получилось. Больше всего опасалась встретиться с ним взглядом. Шейор вполне мог заставить меня сделать все что угодно. Манори сказала, мне не нужно из-за этого переживать. Моя задача — удержать Шейора рядом как можно дольше. А малышу-дракону ничего не угрожает, даже если граф заставит меня призвать его. Но все же мне хотелось избежать ментального принуждения. Хватило и одного раза. Адская боль, когда идешь против чужой воли, не самое страшное. Куда противнее осознавать беспомощность и безысходность.

— Может, позвольте встать, ваше сиятельство?

Кажется, мой вопрос прозвучал не жалко. Но все же не так твердо, как хотелось бы.

— Зачем? Слышу я хорошо, и обыскивать тебя нет никакого желания. — Шейор отошел и, судя по звукам, устроился в кресле. — Итак, задание. Где мой дракон?

— Где мой сын?

Ступни полыхнули огнем. Жар моментально добрался до коленей. Поджег он меня, что ли?! Может, так оно и было. Зашипела от боли, крепко стискивая зубы. Рано радовалась! Как будто у королевского мага не найдется способа развязать мне язык.

— Неправильный ответ, — голос Шейора звучал все так же спокойно и уверенно, — попробуем еще раз. Где мой дракон?

— Я могу призвать его в любой момент, — выплонула я, с трудом сдерживая крик. — Но сначала я хочу сына и противоядие!

Жар распространился до поясницы. Рейо побери этого Шейора! Как же больно!

— Уже лучше. Мне даже нравится, как ты торгуешься. Но сначала ты призовешь дракона.

Я не выдержала и заорала. Боль сводила меня с ума. Я слышала, как лопаются обуглившаяся кожа. Я ощущала запах гари. Ненормальный! Зачем он это делает?!

Боль и жар исчезли так же внезапно, как и появились.

— Хватит, пожалуй.

Всхлипнула, а слезы не вытереть. Сердце бешено колотится. Рейова магия! Ничего, переживу. Главное, Шейор все еще тут.

— Я жду, — мягко напомнил он.

— Я тоже.

Собиралась удержать его рядом по-другому, но и такой способ сойдет. Как же злит собственное бессилие!

— Дженни, в этой игре ты проиграешь. Ты в моей власти. Как только мне надоест, я заставлю тебя призвать дракона. Кстати, кто сказал тебе, что ты маг?

Хитрец! Он считает меня настолько глупой? Я тоже могу играть, навязывая свои правила.

— Ой, а я — маг?

Прозвучало с сарказмом, как я и хотела.

— Так кто?

Кажется, в его голосе промелькнули нотки раздражения.

— Посланец бога Рейо. Представляете, ваше сиятельство, явился ко мне во сне и...

— Хватит!

Ого! Мне удалось вывести его из себя? Жаль, не могу насладиться этим зрелищем.

На этот раз Шейор не стал прибегать к ощущению огня. Только боль. Острая, разрывающая внутренности боль. Я снова кричала. И чуть не захлебнулась в рвоте, выворачивающей меня наизнанку. А между приступами злилась, что валяюсь на полу, как тряпичная кукла, и не могу даже обтереть лицо.

— Достаточно?

Насмешливый тон Шейора — и злость превратилась в ярость. Да чтоб ты сдох! Да я тебе глаза выцарапаю, дай мне только до тебя добраться! Мерзкий выродок!

И тут я впервые почувствовала, что такое магическая сила. Внутри разлилось приятное тепло, я ощущала его каждой клеточкой своего тела. Это было одновременно и частью меня, и чем-то отдельным, особенным. Но, к сожалению, управлять силой я пока не умела. Поэтому первой попытки хватило только на то, чтобы освободиться от магических пут.

С трудом села, упираясь руками в пол. И наконец-то увидела Шейора. Он улыбался, слегка наклонив голову набок. Как я и предполагала. И только ледяной взгляд и побелевший щрам выдавали его истинное настроение.

Интересно, как долго я тут? Кажется, минут пять прошло, но ведь наверняка больше. Хватило ли магам времени? И если да, то где они? Шейор до сих пор ничего не заподозрил. Это хорошо или плохо? А если ничего не вышло и я зря тут... Нет! Не зря! Хватит!

— Почувствовала фамилиара так же, как маг чувствует силу, — объяснила я молчащему сиятельству. — Никто мне ничего не говорил.

И он поверил! Едва заметно расслабился и слегка кивнул головой.

— Тогда зачем вернулась? У фамилиара не может быть двух хозяев.

— Здесь мой сын.

— И? — Шейор заинтересованно приподнял бровь.

— Вы обещали. Противоядие в обмен на дракона.

— Но ты-то умрешь.

— Зато у него появится шанс выжить.

Шейор больше не пытался связать меня при помощи магии. А мне очень хотелось умыться или хотя бы прополоскать рот, чтобы избавиться от кисло-горького привкуса. Но я продолжала сидеть на полу, подобрав ноги. Вполне удобно и достаточно далеко от мага.

— Да, я тебя недооценил, — признал Шейор. — Освободилась от ментального принуждения, обзавелась фамилиаром. Даже жаль тебя убивать — у тебя сильный магический дар. Но ты не блещешь умом, поэтому... — Он осекся и прислушался.

— Мне все равно, только скажите, где Ян? — быстро произнесла я, догадываясь, что насторожило Шейора.

— Замолчи! — прикрикнул он, стремительно поднимаясь. — Думаешь, перехитрила меня?

— Пожалуйста, верните сына! — Я тоже встала, но только для того, чтобы тут же бухнуться на колени и обхватить руками ноги Шейора. — Скажите, где он, заклинаю. Я отдам вам дракона!

Шейор наотмашь ударил меня по лицу, отбрасывая в сторону.

— Здесь всегда играют по моим правилам, — прошипел он, склонившись надо мной.

Я охнула от внезапной острой боли в животе. В глазах потемнело. Услышала, как Шейор выходит из кабинета, но уже никак не могла этому помешать. Его сиятельство выиграл эту партию, без сожалений убрав с доски фигуру, ставшую ненужной.

Глава 6

Наблюдатель

Мне запретили сопровождать девчонку, когда она отправилась в замок к Шейору. Не очень-то и хотелось. С большим удовольствием посмотрел бы, как работают маги королевского ковена, но мне не позволили так рисковать.

Не сомневался, захват пройдет успешно. В ковене лучшие маги королевства, да и драконы страховать будут. А вот с заложником — как повезет. Шейор мог обмануть девчонку, и тогда малыша уже нет в живых. Или он все еще жив, но спрятан в недостижимом месте.

Девчонку послали обратно как раз для того, чтобы она заставила графа думать о Яне. Задержать хоть ненадолго — да. Но еще и выведать, где он прячет заложника. Понятно, граф ей сам не доложит. Однако если девчонка правильно поведет разговор, то Шейор выдаст все в мыслях. Хороший менталист сможет считать картинку даже на расстоянии.

Велено было ждать. И я ждал, прокручивая в голове, как развиваются события в замке. Телепортация во внешний периметр. Внутри нельзя — сработает сигнализация. Вот сейчас сняли стражу. Какое-то время потратят, чтобы обмануть систему слежения. И дальше, во внутренний двор. Обезоружить людей...

Старался не думать о девчонке, но не получалось. Как долго она сможет удержать графа? Минуту или две? Когда он услышит магов? И что сделает с девчонкой?

Она ни в чем не виновата. Это теперь ясно. Стечение обстоятельств. Шейор принудил ее, подчинив ментально. И чудо, что ей удалось самой выйти из-под контроля. Чудо ли? Учитывая ее, мягко говоря, необычность? И не виноваты ли в произошедшем сами драконы? Отправить человека с такой аурой к людям! Да еще оставить без присмотра. И теперь она опасна даже для драконов. Ее необычность и фамилиар в придачу. Страшная сила. И не проще ли позволить ей умереть... руками Шейора...

Из коридора донесся шум: громкие голоса, топот, ругательства. Дверь в комнату с грохотом распахнулась — с ноги.

— Брысь с дороги! — рывкнул мужчина, шагнув к кровати.

Я видел его утром — один из группы захвата. А на руках у него девчонка: лицо бледное, глаза закрыты, волосы в беспорядке, рука безвольно повисла.

Поспешно посторонился, ничуть не удивившись тому, что он меня заметил. Для мага королевского ковена невидимость — пустой звук. Это для девчонки... Кстати, а что с ней? Снова усыпили, чтобы не путалась под ногами?

Маг бережно положил ношу на кровать и тут же отступил в сторону. Белая шаль, собранная в комок, прижата к боку и пропитана кровью. На одежде расплылось огромное темное пятно. Они позволили Шейору убить Дженни?!

— Лекарь... — выдавил я, обращаясь к магу.

Внезапно онемевшие губы плохо слушались. Но тот понял и в ответ указал на распахнутую дверь. В комнату, вбегали драконы: Манори и еще трое. Их много, и они спешат. Значит, Дженни жива! И ее можно вылечить.

— Хорошо бы ее к нам, там удобнее.

— Некогда. Видите? Нож провернули в ране.

— Внутреннее кровотечение сильное...

— Я беру сосуды.

— Печень...

Драконы перешли на медицинскую терминологию, потом и вовсе замолчали, сосредоточившись на лечении. Маг ушел. А я забился в дальний угол комнаты и оттуда наблюдал за работой лекарей. Старался даже дышать пореже, чтобы не заметили. Выгонят же! А я должен убедиться, что с Дженни все в порядке.

Это было красиво. Вернее, сначала — страшно. Как только я перешел на магическое зрение и увидел темную дыру в ауре девчонки, снова оцепенел. Даже «живые» участки потускнели и потеряли цвет. А потом в черноте вспыхнули яркие золотистые искры, и от них потянулись живительные ниточки. Только драконы умеют так ювелирно работать с магией, когда исцеляют. Они сращивали ткани телекинезом, используя силу, ускоряя регенерацию. Аура Дженни оживала на глазах, расцветая теплым золотом силы.

Наверное, мне надо было уйти. Вернуться к начальству, доложить о случившемся, получить новые инструкции. Ерунда! Уверен, он в курсе. Не вызывает — значит, не возражает. И драконы не против. Первые минуты были тревожными, но потом Манори отошла в сторону, чтобы не мешать лекарям, бросила на меня задумчивый взгляд и покинула комнату. Я воспользовался этим молчаливым разрешением.

Наблюдать, как драконы колдуют над Дженни, перестал. Сел на пол, прислонившись спиной к стене, прикрыл глаза и сосредоточился на невидимости. Если девчонка скоро очнется, ей не нужно знать, что я рядом.

Однако драконы не спешили приводить Дженни в чувство. Пока двое заканчивали с раной, сращивая мягкие ткани и кожу, третий притащил капельницу с кровевосстанавливающим раствором. Вернулась Манори, и не одна, а с приемной матерью Дженни. Они споро переодели девчонку в чистую сорочку. Потом лекари наладили капельницу и ушли, пообещав вскоре вернуться.

Я не подглядывал — так и сидел с закрытыми глазами, догадываясь о происходящем по звукам и коротким фразам, которыми обменивались драконы.

— Кто вы?

Не сразу понял, что обращаются ко мне.

— Молодой человек?

Голос прозвучал совсем близко. Передо мной стояла мать Дженни. Небольшая полнота красила ее, округляя и смягчая черты лица. Быстрый взгляд в сторону кровати — девчонка все еще спит, в комнате кроме нас никого. Вздохнул и поднялся, в очередной раз теряя невидимость.

— Зачем вы тут? — Драконица улыбнулась уютно и добродушно.

— Я наблюдатель, у меня задание — находиться рядом.

Она понимающе кивнула.

— Поможете? Хочу поменять простыню, она тоже в крови. Я все сама сделаю, а вы придержите руку, где игла.

— Хорошо.

Я послушно следил за тем, чтобы игла не вышла из вены, пока драконица перестилала постель, но взгляд то и дело соскальзывал на ловкие мягкие лапки. Как-то поинтересовался у знакомого дракона, почему они называют свои руки лапами, ведь они не животные. Внешне кисть такая же, как у людей: широкая ладонь, длинные пальцы, один из которых противопоставлен другим. Тот рассмеялся в ответ, мол, не заморачивайся, наша традиция, наш выбор. Но я любовался лапками драконицы по другой причине. Каждое ее движение

выдавало любовь, которую она испытывала к Дженни. Нежные касания, ласковые поглаживания. Неужели девчонка так глупа, что не понимает, как ее любят?

— Вот и все, спасибо.

Теперь ловкие лапки собирали в узел грязную одежду и белье. Я заметил, как задрожали пальцы, и удивленно посмотрел на драконицу. В ее глазах стояли слезы.

— С ней все будет хорошо, — вырвалось у меня.

Совершенно не собирался вмешиваться в это дело!

— Я знаю, — она снова мне улыбнулась, но теперь уголки губ дрогнули. — Спасибо.

Да, будет. Если Старейшины признают девчонку невиновной и отпустят на все четыре стороны. Отпустят ли? С фамилиаром? Как все сложно!

Драконица мяла в лапках шаль, в которую так любила кутаться Дженни.

— Жаль, испорчена, — произнес я. — Она ей очень нравилась.

— Правда? — Драконица даже преобразилась от радости. Расправила гребешок, приподняла и опустила крылья. — Она что-то говорила?

— Нет. Это было заметно. Она с ней не расставалась.

— Приведу ее в порядок. — Драконица прижала шаль к груди и смахнула слезинку со щеки.

Мне стало неловко. Какое мне дело до их отношений? Из меня никудышный утешитель!

— А как Ян? Что с ним? — Я поспешил поменять тему разговора.

— Ой, надо же узнать! — всполошилась драконица.

— Жив, хоть и не совсем здоров, — ответила Манори, входя в комнату.

— Не нашли противоядия?

— Не было там никакого яда. Шейор просто запер мальчишку в маленькой клетушке на вершине башни. Но одного, а он же маленький совсем. Оставил ему немного воды — и все. Сами понимаете, чего он там натерпелся. Алинари, я, собственно, к тебе с вопросом. Вы возьмете малыша к себе или мне оформлять его в детский дом в Крагоше?

— Какой детский дом! — Драконица возмущенно всплеснула лапами. — Конечно, я его заберу! Ох, он же нас испугается...

— Вовсе нет, — вздохнула Манори. — Он слабенький пока, но нас не боится. Кажется, Джейн рассказывала ему о вас.

Алинари всхлипнула.

Я попытался снова спрятаться в углу. Хватит с меня этих семейных сцен! И вообще, хочу домой! Есть хочу, спать хочу!

— Молодой человек! — повернулась ко мне Манори. — Не откажите в любезности, присмотрите за девушкой. Алинари нужно заняться малышом, я ее провожу, а потом отпущу вас.

— Да, пожалуйста, — подхватила Алинари, — побудьте с Дженни. Чуть позже я пришлю сюда еду, она проснется голодной. И для вас тоже. Что вы любите? И еще питье, с травами, для моей девочки. Проследите, чтобы она выпила?

— Без проблем, — выдавил я, мысленно поздравляя себя с тем, как удачно влип. — И спасибо, мне ничего не нужно.

— Только до моего возвращения, — отрезала Манори. — Аля, ему нельзя показываться Джейн на глаза. Но я прослежу, не волнуйся.

— Да она все равно меня глюком считает! — вырвалось у меня.

— Кем? — переспросила Алинари. — Крюком?

— Глюком! То есть сном. Она думает, я ей снюсь.

Дожил. Жалуюсь драконам, что меня не воспринимают всерьез.

— А это выход, — прищурилась Манори. — После такой встряски Джейн решит, что ты снова ей снишься. Прозрачности добавь в иллюзию, чтоб уж наверняка. На случай, если она все же очнется до моего возвращения. Да не смотри ты так испуганно. Трудно помочь, раз уж ты все равно тут?

— Не трудно.

Смиренно склонил голову, соглашаясь с неизбежным.

Перед уходом Алинари поцеловала Дженни и тепло мне улыбнулась, одними глазами. Словно сказала: «Знаю, ты позаботишься о моей девочке».

Собственноручно надеру девчонке задницу, если она еще хоть раз ляпнет, что семья от нее отказалась.

Приходил лекарь. Сменил раствор в капельнице, проверил состояние Дженни. Потом пришел еще раз, забрал систему и велел давать больше жидкости, когда пациентка проснется. На столе появился ужин — на двоих, как Алинари и обещала. И кувшин с пахучим напитком и запиской, привязанной к горлышку: «Давать Дженни вместо воды!» Манори же как сквозь землю провалилась.

Признаться, я не выдержал и поел. Не захлебываться же слюной от потрясающих запахов жаркого! Думал, они и мертвого разбудят, но девчонка все спала и спала, разве что позу поменяла. Свернулась клубочком на боку и засунула кулачок под щеку. Я зажег ночник, устроился на полу, у изножья кровати и даже задремал, разморившись от сытой еды.

— Бес?

Приоткрыл один глаз и сладко потянулся. Пора возвращаться в образ. Проснулся я минутой раньше, услышав, как скрипнула кровать.

— С пробуждением, крошка.

Недоверчивый взгляд, прикушенная губа. Руки скользнули под одеяло. Помнит, что ее ударили ножом — проверяет.

— Я сплю?

— Или да, или нет. Одно из двух, — ухмыляюсь и протягиваю ей руку. — Хочешь проверить?

Не хочет. Морщится и отодвигается в сторону.

— Ты все же пришел за мной?

Зловеще смеюсь. Мне совсем не хочется играть этот спектакль, но страшно подумать, какая головомойка меня ждет только за то, что я показался девчонке. К чему усугублять?

— Скажи, Ян жив? — смотрит грустно, но с надеждой.

Нет, с этим я тянуть не буду.

— Да, жив. Твоя семья позаботится о нем. Не беспокойся.

Радостно вспыхивает, и в этот момент она очень похожа на свою маму. Глупо, да? Они не родственники и принадлежат к разным видам. Но почти сразу Дженни вновь опускает голову и плечи.

— Если это сон, то...

— Я говорю правду.

— Ты мой сон и говоришь то, что я хочу слышать!

Упрямая! Это вызов? Я принимаю его, не подумав о последствиях.

— Ах, так? Тогда слушай.

Ехидно уставившись на девчонку, я выдаю самое длинное и неприличное ругательство, которое смог вспомнить.

У Дженни лицо вытягивается от изумления, а потом она густо краснеет. Зато в глазах снова плещется радость.

— Ты не сон, тогда и про Яна — правда, — сообщает она мне и улыбается.

Я впервые вижу ее настоящую улыбку — ясную, яркую, открытую. И на щеках появляются ямочки. Невольно улыбаюсь в ответ — скупое и снисходительно, чтобы не вывалиться из образа.

Дженни тем временем спустила ноги с кровати, нашарила тапочки и пытается встать. Видимо, у нее кружится голова, потому что встать не получается, и она растерянно трет пальцами виски. А я запоздало вспоминаю о питье и указаниях драконьей мамы.

— Тебе положено лежать, — замечаю я, поднимаясь и наливая в чашку лекарство.

— Мне... надо... — Дженни выразительно смотрит на меня, а потом куда-то в сторону.

Проследив за ее взглядом, понимаю, куда ей надо, и протягиваю руку:

— Пойдем, я помогу дойти.

Она не отказывается от помощи, послушно ковыляет рядом, повиснув на моей руке. Потом так же послушно позволяет уложить себя в постель, пьет травяной отвар, ест кашу с молоком.

Я кормлю ее с ложечки, поражаясь такой покладистости. Вроде бы не так уж и больна — от ножевого ранения не осталось и следа, аура сияет, как солнышко. Только вид все равно усталый, движения вялые. Она не задает вопросов, не интересуется, зачем я здесь. Мне неожиданно приятно заботиться о Дженни. Я понимаю, почему, но не собираюсь себе в этом признаваться.

— Спасибо, — говорит она после того, как я вытираю ей салфеткой молочные усы.

— На здоровье, крошка, — криво усмехаюсь я.

Хочется возражений или возмущений, но она сползает вниз, переворачивается на живот и обхватывает подушку обеими руками.

— Завтра, хорошо? — шепчет она и сладко зевает.

Я не успел спросить, почему она говорит о завтрашнем дне. Дженни тут же уснула. Поправил одеяло и отошел к окну. Теперь мне хочется уйти, и чем быстрее, тем лучше.

Словно почувствовав мое настроение, появилась Манори. Она тоже выглядит устало, даже измученно. И я проглотил упреки.

— Извини, раньше никак не получалось. Все еще спит?

— Уже спит.

Я рассказал куратору обо всем, что произошло в ее отсутствие.

— Хорошо, — кивнула она. — Можешь идти. Твой велел передать, чтобы шел отсыпаться. Завтра... — она задумалась, потом назвала мне время, — в зале заседаний.

— Буду, — коротко буркнул я, мысленно желая «моему» всяческих благ.

Ненавижу, когда мной манипулируют!

Глава 7

Семья

Все тот же зал заседаний: голые каменные стены, кресла полукругом. Одно из трех окон распахнуто. Теплый ветер приносит запах прелой листвы, и я вспоминаю, что скоро наступит осень. Когда Манори привела меня сюда, зал был пуст.

— Посидишь, подождешь, — объяснила она. — У меня много дел, некогда будет с тобой возиться.

Утром Манори повторила слова Беса: мой сын жив, здоров и о нем заботится мама Аля. Конечно, мне хотелось бы увидеть Яна, обнять и приласкать, но я понимала, что не разрешат — и не просила. А Бес... Так и не поняла, он настоящий или нет. Ночью выглядел вполне живым, но при свете дня снова казался сном.

С Яном все в порядке, Шейор арестован, сын Миры и Олле в безопасности — беспокоиться вроде бы не о чем. Но на сегодняшнем заседании я встречу с семьей. И мне страшно.

К счастью, мне не придется ни с кем разговаривать. Отвечать на вопросы Старейшин будут драконы из рода Сиреневого Аметрина.

Манори посоветовала думать о поступках, но вчерашние события не располагали к размышлениям. А сегодня я поинтересовалась, куда делась испорченная одежда. Искала шаль, надеясь, что она не сильно пострадала.

— Ой, даже не знаю, куда все девается. Не туда ли, откуда все берется? И одежда, и посуда, и еда, и лекарственные отвары. Не догадываешься, что за таинственное место, нет?

— Нет, — произнесла я и осеклась.

Манори одарила меня снисходительным взглядом, и я почувствовала себя маленьким ребенком, не понимающим простых истин.

— Соображай, деточка, соображай.

Я обиженно поджала губы, но все же призадумалась. Платье, что сжимаю в руках, — дорогая ткань из тех, что производят только драконы, ручная вышивка, на такую не один день уходит. Остатки завтрака на столе — мои любимые оладьи с вишневым вареньем. На этот раз мне не понадобилось много времени, чтобы признать очевидное: это забота мамы Али. И как я сразу не поняла!

— Мама... — У меня подкосились ноги, и я со всего размаху села на ближайший табурет и жалобно посмотрела на Манори.

Та одобрительно покивала в ответ, мол, да-да, так оно и есть, но вслух ничего не сказала.

Мама Аля всегда сама мастерила мне платья. Она научилась шить и вязать ради меня, ведь драконы обходятся без одежды.

Она ждала меня, поэтому в сундучке я нашла все необходимое.

Она не забывала обо мне. Вероятно, даже навещала, иначе откуда бы ей знать мои мерки.

Только не показывалась мне на глаза. Почему?

А если у драконов действительно существовала причина отправить меня в Крагошу?

Поступки!

Папа Кир оплачивал мое обучение. Я ни в чем не нуждалась, пока жила в интернате. Род

Сиреневого Аметрина позаботился о том, чтобы я смогла устроиться в жизни. Они дали мне возможность вернуться. И не их вина, что я так распорядилась даром. Это был мой выбор.

Мама Аля не оставила меня даже после того, как я подвергла опасности жизнь ее внука. Готовила все эти вкусности. Как я могла не узнать ее стряпню! И главное — она забрала к себе моего малыша.

Мне страшно, потому что мне стыдно.

В зал вошли Старейшины, все пятеро: Амаранто-розовая Яшма, Вишневый Гранат, Аспидно-серый Шунгит, Бежевый Агат, Васильковый Сапфир. Они не представлялись, и про себя я называла их по цвету чешуи, который определял камень рода. Сегодня я не прятала глаз, хотя и поежилась, вновь почувствовав на себе внимательные взгляды драконов.

— Тебе сообщили правила поведения?

Молчать и отвечать только на вопросы Старейшин.

— Да, — кивнула я.

И вжалась в стену, когда в зал вошла Мира.

Даже не посмотрев в мою сторону, драконица остановилась перед Старейшинами. И с чего я взяла, что она набросится на меня? Здесь, в зале заседаний? Я бы набросилась, если бы судили Шейора. И пусть бы мне помешали! Вздохнула и смахнула с юбки несуществующую пылинку. Сколько глупостей я совершила, повинувшись порыву! Ни драконы, ни люди не сумели научить меня выдержке.

Между тем Мира ответила на вопросы об имени и роде занятий и кратко рассказала о случившемся.

— Не могли бы вы вспомнить, какие чувства испытывала Джейн, когда вы вернулись?

— Страх, растерянность, отчаяние и... нежность.

Конец фразы она произнесла с трудом.

— А ваш сын? Он испугался? Ему было больно?

— Нет. Дженни держала его бережно и не причиняла вреда. Он даже не проснулся.

— Она пыталась убежать?

— Нет. По первому моему требованию она положила малыша обратно в кроватку.

— Как вы думаете, она могла убежать?

— В тот момент я не думала об этом. А потом муж сказал, что у нее был кристалл с телепортом. Значит, могла.

— Она пыталась активировать его?

— Нет.

Мира нервничала — я видела, как подрагивает кончик ее хвоста. Ей приходилось говорить правду, а она наверняка предпочла бы видеть меня мертвой. Я — живая угроза ее сыну.

— Вы не находите, что жестоко обошлись с девушкой, которая очень долго была членом вашей семьи?

— Не моей, — возразила Мира. — В то время, когда Дженни жила в доме, я лишь дружила с Олледоном. Моим мужем он стал гораздо позже. Но — да. Я была жестока. Меня захлестнула ярость... Дженни! — Она обернулась ко мне, и я застыла от потрясения.

Нет, в ее глазах больше не плескались безумие и гнев. Она смотрела на меня печально и виновато. Только не это!

Повинувшись порыву и забыв об обещании сохранять молчание, я сползла на колени и

прижала руки к груди:

— Госпожа Мирари, не извиняйтесь, пожалуйста! Это я прошу у вас прощения. Я никогда не причиню вреда вашему сыну, клянусь!

— Дженни, и все же...

— Не надо!

Мира не стала настаивать: коротко кивнув, она повернулась обратно к Старейшинам. Я же медленно встала с колен и снова опустилась на скамью. Мне не сделали замечание. Рассердились ли? Нет, слушают Миру. А о чем она рассказывает? О чем?! Лойи всемогущий, мне до сих пор стыдно, когда я вспоминаю ту историю!

Мне было десять, когда Мира впервые появилась в нашем доме. На зимних каникулах у нас гостили друзья родителей, семья из рода Белого Гелиодора: родители и двое детей, Мирари и Свентон. Свен и Олле учились в одном классе, а Мира была всего на год младше брата. Как-то сразу стало понятно, что Олле симпатизирует Мире. И та, вопреки ожиданиям, не присоединилась к нашей детской компании, а хвостиком ходила за старшими ребятами. Олле и Свен пропадали в лаборатории, ставя какие-то опыты, и Миру не прогоняли.

Понаблюдав за «влюбленными» пару дней, мы — Кати, Тим, я и примкнувшая к нам от скуки Лия — решили устроить розыгрыш. Не помню, кому первому пришла в голову эта дурацкая затея, но все ее поддержали.

Подбросив Олле записку будто бы от имени Миры, а Мире — от имени Олле, мы назначили им свидание в парке, рядом с замерзшим озером, где обычно катались на коньках. Но этого нам показалось мало, хотелось же послушать, о чем они будут говорить, когда встретятся! А спрятаться негде. И рядом с местом «свидания» слепили снеговика, но не простого, а с «начинкой».

Драконы не намного больше людей, взрослый — примерно на голову выше обычного человека и чуть шире в плечах. Мои друзья крупнее меня, и именно мне выпало сидеть внутри снеговика.

Сначала было тепло, даже жарко, и я успела вспотеть, а потом сзади отвалился кусок снега, внутрь стало задувать, и меня прихватило морозом. Первым пришел Олле, через несколько минут появилась и Мира. Я к тому времени успела основательно промерзнуть и дрожала от холода. Они и сказать-то друг другу ничего не успели.

— А-а-апчхи!

Снеговик развалился, и Олле повалил Миру в сугроб, прикрывая от «нападения». Я чихала без остановки; Тим, Кати и Лия обидно хохотали; Мира отбивалась от Олле...

После того случая Олле еще долго называл меня гнусной мелочью, но потом простил. А Мира специально вспомнила эту историю, чтобы выставить меня с плохой стороны.

— Розыгрыш помог нам с Олле понять, как мы дороги друг другу. Можно сказать, мы поженились благодаря Дженни, и я ей за это очень благодарна.

Мира уже ушла, а я все не могла поверить в услышанное. Так что важнее, слова или поступки? Мира использовала слова, чтобы совершить поступок. А я как была гнусной мелочью, так и осталась.

Когда Миру отпустили, ее место занял Олле. Если бы он родился человеком, то непременно носил бы очки, бородку и тросточку. Всегда немного рассеянный, он был мне скорее добрым другом, чем старшим братом.

— Мы хотим, чтобы вы охарактеризовали Дженни, но одним словом. Это может быть

как положительная, так и отрицательная черта характера. Пожалуйста, подумайте. Назовите и объясните почему.

Неожиданный вопрос заставил меня вздрогнуть. Так вот почему Мира рассказывала про снеговика! Олле навряд ли вспомнит что-то хорошее: он больше всех страдал от моих проказ и шалостей. Он любил уютный покой библиотеки и сосредоточенную тишину лаборатории, а там, где появлялась «малышка Дженни», всегда было шумно и беспокойно.

— Мне запомнился один случай, — начал Олле, не подумав ни секунды. — Дженни тогда только исполнилось шесть лет. Тетушка Ренни — сестра мамы, она и сейчас живет с нами, — мечтала, чтобы ее дочь Лия научилась играть на каком-нибудь музыкальном инструменте, и пригласила к ней учителя. Лия же терпеть не могла уроки и всячески старалась их избегать. Тетушка, обычно выполняющая любой каприз дочери, проявила завидную твердость характера, и Лие приходилось по несколько часов в день заниматься тем, что претило ее натуре.

Вот уж не думала, что Олле вспомнит один из моих самых некрасивых поступков. Но почему этот? Его там вообще не было!

— Каким-то образом Лие удалось убедить Кати, мою младшую сестру, что учительница музыки — настоящее чудовище. Мол, она кричит и страшно ругается, даже чуть ли не по пальцам бьет за любую ошибку и всякое такое. И наивная Кати, вроде как по собственной инициативе, решила помочь кухне. Дождавшись начала очередного урока, сестрица вооружилась мелками, красками и бумагой и принялась рисовать плакаты. Помнится, самый безобидный звучал так: «Мерзкая училка, убирайся, откуда пришла!» Плакаты украсили комнату, соседнюю с той, в которой шел урок. Учительница, к слову, одна из лучших специалистов в своем деле, прочла их, как только вышла из класса.

— И при чем здесь Дженни? — перебил Олле Бежевый Агат.

— Дженни помогала Кати, но об этом никто не знал. Лия подначила на подлость только сестру, потому что считала, Дженни расскажет все родителям. Сама же Дженни случайно застала Кати за рисованием и поверила ей, как до этого та поверила Лие. Две маленькие глупые девочки! Но последствия их поступка были ужасными. Естественно, учительница обиделась и, несмотря на принесенные извинения и щедрую денежную компенсацию, отказалась от уроков. Кати строго наказали родители. А про участие в предприятии Дженни сестра никому не сказала.

О да, так оно и было. Я почувствовала, как у меня запылали уши. Столько времени прошло, а мне до сих пор стыдно за тот поступок.

— Дженни сама призналась. Просто пришла к отцу и попросила наказать ее так же, как Кати. Дженни — порядочный человек. Я всегда уважал ее за это и с самого начала не верил, что она сама решила совершить преступление.

Лойи всемогущий, как же стыдно...

Когда в зал вошла Кора, я удивилась. Самая старшая из детей, она уже давно не жила с родителями. Мы никогда не были близки, поэтому я не понимала, что полезного она может рассказать судьям. Кора всегда казалась стремительной и сосредоточенной. В отличие от Олле, науке она предпочитала практику, выучилась на лекаря и вся отдалась работе.

— Дженни — разносторонняя личность, — заявила Кора. — Не понимаю, как можно одним словом...

— Тем не менее. Например, о чем вы думаете, когда видите ее или слышите ее имя.

— О... Конечно же, о каникулах на Маре-Дале.

Только не это! Согласна, Коре трудно рассказать хорошее. Но я же не нарочно!

Маре-Дал — одно из самых приятных воспоминаний. Я мало путешествовала по стране драконов, и те каникулы стали настоящим приключением. Маре-Дал — лагуна, на берегу которой расположен детский драконий лагерь. Единственное место в нашем мире, где в океане можно купаться. Меня не хотели туда пускать, мол, человек, условия и все такое. Дети там не только отдыхали, но и трудились в расположенных по соседству фермах. Я просто с ума сходила, слушая рассказы старших детей о том, как весело в Маре-Дале. Да, завидовала страшно: купание в море, пляж с ракушками и разноцветными камушками, походы с ночевками в палатках, посиделки у костра, игры, соревнования. Одним словом — приключения! И вот, каким-то невероятным образом, папе Киру удалось устроить для меня эти каникулы. Он лично телепортировал меня до лагеря, и я решила, никто не сможет упрекнуть меня в том, что я — человек.

— ...и, когда настала пора идти на работу, Дженни отправилась вместе со всеми, — тем временем говорила Кора. — Нашей группе поручили метать стога. Траву уже скосили, и она достаточно просохла, оставалось только собрать ее. Тем, кто поменьше, раздали грабли, чтобы они собирали маленькие стожки, которые ребята постарше переносили в большой стог. Дженни тоже получила свой инструмент и довольно быстро приоровилась к работе, стараясь не отставать от других. Только вот никто не подумал о том, что ей необходимы рукавицы.

Я, как замороженная, слушала старшую сестру, как будто речь шла вовсе не обо мне. Так тебе и надо, Дженни. И с чего ты взяла, что Кора припомнит тебе мурашей?

— У людей кожа тонкая и очень нежная, ей нужна дополнительная защита. Дженни хорошо справилась с работой, ее хвалили. Но ее ладонки... она стерла их до крови. И не пожаловалась никому, нет. Даже скрывала, прятала руки. Я случайно заметила, когда она спала. А это же еще и очень больно. Я пыталась отвести ее к врачу на следующий день, но она наотрез отказалась. Попросилась на сбор ягод и продолжала работать. Знаете, я часто рассказываю эту историю своим маленьким пациентам, когда они капризничают от легкого недомогания. Историю о человеческой девочке, которая ради мечты терпела боль и вела себя очень мужественно и достойно. Пусть глупость, ведь никто не выгнал бы ее из лагеря за истертые работой ладонки.

Я и представить себе не могла, как это стыдно — слышать добрые слова от тех, кому причинила зло. Стыдно не только за поступок, но и за мысли. Целых шесть лет я копила обиды и только теперь по-настоящему задумалась, какую цель преследовали драконы, отослав меня в Крагошу.

Кати, моя милая подружка, не раздумывала ни секунды, назвав меня доброй. А я всегда считала, то нет на свете существа добрее, чем она. Веселая, отзывчивая, заводная девчонка. В ее лапках спорилась любая работа. И она же умела становиться тихой и незаметной, когда это было нужно.

— Дженни по-настоящему добра, понимаете? То есть не потому что вежлива или готова всем угодить. А потому что ее поступки — всегда на благо кому-то, хоть она и не всегда думает о последствиях.

— Неужели? — усомнился Васильковий Сапфир. — А кому же на благо ее попытка украсть вашего племянника?

— Это же другое, — тут же возразила Кати. — Дженни обманом заставили. Зато потом она вела себя достойно.

Кати, милая моя Кати. Как же я скучала без тебя! Лиенна, мама Яна, была хорошей подругой, но ты — лучшая.

— Как-то весной в нашем саду свили гнездо сирилини^[1], и мы иногда наблюдали за ними, гадая, сколько детенышей выведется у пары. А потом обнаружили в траве под деревом двух малышей. Все растерялись, кроме Дженни. Позже я поняла, что спокойствие, с которым она переломила шейки «лишним», было внешним. И в душе она очень переживала о вынужденном поступке. Но больше никто не смог, а ее добрый поступок подарил малышам сирилини безболезненную и быструю смерть.

Убийство — добрый поступок? Лойи всемогущий! Остается лишь надеяться, что Старейшины помнят: сирилини оставляют в гнезде только одного птенца, а остальных выталкивают и заклеивают до смерти.

— Дженни разная. Да, разная, — уверенно произнес Тим. — Это если вы хотите, чтобы я охарактеризовал ее одним словом. У нее есть достоинства, но есть и недостатки. А вы знаете идеального человека? Или дракона?

Тим, брат-близнец Кати, как обычно спокоен, сдержан и убедителен. Как в детстве, когда защищал меня перед родителями после очередной шалости. Тим — наш паладин. Мы всегда играли вместе — Кати, он и я. А еще у нас с Тимом была одна тайна на двоих, и никто больше не знал о ней. Ничего серьезного, обычный детский секрет.

— Дженни — мой побратим. Она же не рассказала, верно? Она никогда не нарушает данного слова. А я нарушу, потому что иначе вы так и не узнаете: это я виноват в том, что Дженни стала магом.

Лойи всемогущий, вот же бред! Какая связь между детской игрой и моими внезапно открывшимися способностями? Я поморщилась от досады. Мне было приятно хранить эту тайну побратимства с драконом. А теперь о ней узнали посторонние.

— Я нашел в библиотеке рукопись, где описывались древние обряды. Побратимство не заключается между человеком и драконом, но мы провели ритуал. И поклялись друг другу, что это будет нашей тайной.

Да какой там ритуал! Чиркнули ножом по ладони и пожали друг другу руки. Еще слова какие-то говорили, о дружбе и братстве. Тим всерьез думает, что капелька драконьей крови может пробудить в человеке магию? А лет-то сколько прошло! Мне тогда было семь, а ему на год больше. Не поздновато ли?

— Если бы Дженни не стала магом, то племянник не стал бы ее фамилиаром, — гнул свое Тим. — Значит, это я виноват.

— Способности к магии могли быть не замечены ранее, — мягко возразил Вишневый Гранат. — А потом их инициировал Шейор.

— Но он не мог инициировать источник, — уверенно ответил Тим.

Теперь еще и источник какой-то. Я перестала понимать, о чем говорят драконы. И спросить нельзя. Зачем Тим оговаривает себя? Сделанного не исправить. Продаешь курицу — продаешь и яйца.

Сколько ошибок! И из-за чего? Из-за глупой детской обиды. Мне нужны были слова, чтобы понять поступки. Я думала, мне припомнят старые прегрешения. И чем больше хорошего обо мне говорили, тем хуже я себя чувствовала, проклиная собственную глупость.

Да, пытаясь украсть Лессона, я действовала по принуждению. Но никто не принуждал меня предавать семью. Я перестала верить, перестала замечать поступки, забыла все хорошее, забыла о любви, в которой выросла. Это и есть мое преступление.

Закрыв лицо руками, я всхлипнула раз, другой и расплакалась.

Глава 8

Наказание

— Не реви.

— Ты?! — От удивления я перестала лить слезы.

— Я, — усмехнулся Бес, протягивая чистый платок.

Снова весь в черном, изящный и расслабленный. Только уголки губ подрагивают. Сдерживает смех? Но смотрит мягко, без насмешки.

— Как ты... И...

Обвела взглядом зал заседаний — никого. Мне все приснилось? Старейшины еще не приходили? Я видела сон? И сейчас тоже? Глюк же тут!

Я потянулась за платком, но вместо этого схватила Беса за руку. Плотная, теплая, живая. Он не вырывался и позволил рассмотреть и ощупать и крепкую мозолистую ладонь, и длинные пальцы с ухоженными ногтями.

— И?

Даже не удивился! Я взяла платок и смущенно уткнулась в него носом. Запах липового меда и немного лимонной кислоты.

— И все же?

Теперь точно издевается. По лицу видно — он прекрасно все понял.

— Ты настоящий, — буркнула я, быстро вытирая глаза.

— Спасибо. — Бес скромно опустил голову и разве что ножкой не шаркнул.

— Зачем ты тут?

— Приказы не обсуждаются.

— Чьи приказы?

Ответить он не успел. В зал вошла Манори. Вопреки ожиданиям, Бес не исчез, а куратор не удивилась, увидев его рядом со мной.

— Не влетит за самодеятельность-то? — проворчала Манори, обращаясь к Бесу. А мне протянула кружку с дымящимся напитком. — Пей чай, только осторожно, горячий.

— Разом больше, разом меньше, — вздохнул Бес, старательно изображая паиньку. — Хозяин не зверь, сильно бить не будет.

Манори фыркнула и повернулась ко мне:

— Ты чего? Пей, скоро перерыв закончится.

— Перерыв?

Я хмурилась, не понимая, что происходит. Бес живой и настоящий, сомнений не осталось. Но почему Манори беседует с ним, как со старым знакомым? Он же посланец Рейо, а драконы не верят в богов. Да никакой он не посланец! Но тогда кто его хозяин?

— Дженни, ты прослушала, — всплеснула руками куратор. — Старейшины объявили перерыв, заседание еще не закончено.

— А-а-а... — протянула я, осторожно отпивая из кружки.

Ничего они мне не объяснят, бесполезно спрашивать. Бес притворяется, Манори ему подыгрывает. Остается только набраться терпения — рано или поздно все тайное становится явным. Дожить бы до этого момента.

Тоска накрыла внезапно. Вдруг пришло понимание, холодное и отчетливое: скоро все закончится. Тревоги и переживания, страх и слезы, дежурная опека Манори, непонятные

визиты Беса, пристальные взгляды Старейшин, запахи позднего лета, обжигающий чай. Все закончится. Навсегда. Даже оставить после себя нечего. Я ничего не успела. Ян? Он маленький и быстро меня забудет. Разве что род Сиреневого Аметрина будет помнить обо мне. Нет, не только плохое, но и хорошее. Теперь я точно знаю. К сожалению, поздно поняла. Глупая! Я считала, уехать в глушь Крагоши меня заставила гордость. А это была всего лишь гордыня. Хватит ли у меня смелости умолять о прощении? Заслуживаю ли я его?

— Я хочу видеть отца, прямо сейчас, — произнесла я.

И тут же испугалась. Я и просить-то не имею права, не то чтобы требовать.

— А ну-ка, сгинь, будь добр, — велела Манори, обращаясь к Бесу.

Тот недовольно дернул плечом и исчез.

— Дженни, это невозможно. — Куратор присела рядом. — Но ты сможешь поговорить с ним после заседания.

«Нет! — кричал ребенок внутри меня. — Немедленно! Сейчас же!»

— Да, — кивнула я, напоминая себе о послушании, — можно и после.

Сейчас! До того, как он огласит решение рода. Он должен знать, не оно заставило меня задуматься и понять самое главное.

— Потерпи. — Манори погладила меня по руке, успокаивая.

Я вымученно улыбнулась в ответ.

— Спрячь, — Драконица указала на платок, который я все еще сжимала в кулаке. — Ему лишние неприятности ни к чему.

Даже так? Драконица заботится об этом проходимце? Чуть было не вспыхнула, да вовремя вспомнила, как Бес кормил меня с ложечки, и сунула злополучный платок в карман. Слишком устала, чтобы размышлять об этом. Слишком расстроена. И все же...

— Его правда будут бить? Из-за меня?

Манори закатила глаза, как будто я сказала очередную глупость. От объяснений ее избавили вернувшиеся Старейшины.

Тетушка Ренни меня не разочаровала. Старшая сестра мамы Али всегда напоминала ворону. Сухонькая, поджарая, с плотно прижатыми к спине крыльями, она и сейчас каркала, старательно вытягивая шею.

— Я всегда говорила Альке! Добром не кончится! — Не оборачиваясь, она тыкала в мою сторону пальцем. — Неблагодарная человечка! Только неприятности! Алькин муж притащил в дом этого червяка. Фу!

Я внимательно разглядывала стену напротив. Лишь бы не смотреть на тетушку! Лойи всемогущий, почему она пришла? Зачем? Кулаки сжались так, что ногти впились в ладони. Не сорваться. Не нагрубить. Терпеть.

Совсем маленькой я тряслась от страха при виде тети. Ее ненависть, настоящая и бурлящая, внушала мне животный ужас. Тетушка Ренни не любила никого, кроме дочери Лии. Желчь и яд изливались на любого, просто самой удобной мишенью в семье была «человечка». А позже я научилась дерзить в ответ. Потом раскаивалась в несдержанности, потому что мама Аля плакала. И все равно я мечтала, что когда-нибудь тетушка захлебнется собственным ядом.

Формально тетушка Ренни не должна свидетельствовать. Она и ее дочь Лия принадлежали к роду Зеленой Бирюзы, и интересы их семьи не пострадали. Наверняка тетя сама решила выступить. Ведь никакой надежды на то, что род Сиреневого Аметрина

расскажет всю правду о «коварном чудовище», у нее не было.

— Алька ее приняла. Растила как собственное дитя. Заботилась, ночей не спала. Воспитывала. Кормила. Одевала. Все лапы иголками исколола. И чем человечка отплатила? О моя добрая и отзывчивая сестренка!

Я удивленно уставилась на драконицу, размахивающую лапами, как крыльями. И невольно расплылась в улыбке, когда поняла, что не ослышалась.

— Позволь поинтересоваться, чему ты так радуешься?

Вопрос Вишневого Граната адресован мне. Я не стыдилась своего чувства, но сказать правду при тетушке Ренни? Она меня живьем сожрет!

— Твоя радость неуместна, поэтому тебе придется дать объяснения, — вмешался Васильковый Сапфир.

Ничего она мне не сделает. Это все глупые детские страхи.

— Прошу прощения, — ответила я, вставая. — Мне радостно за маму... за госпожу Алинари. Сколько себя помню, она никогда доброго слова не слышала от старшей сестры, только упреки. А сейчас госпожа Реннари ее хвалит. Мне приятно это слышать.

Тетушка Ренни быстро обернулась, смерила меня изумленным взглядом и фыркнула. Старейшины жестом велели мне сесть.

— Итак, госпожа Реннари, вы закончили? Хотите высказать свое пожелание от имени вашего рода?

— Да. Нет, — лаконично отозвалась тетя и сконфуженно замолчала.

— Да или нет?

— Я хочу, чтобы человечку наказали. Но смерти я ей не желаю. Любой матери тяжело пережить смерть своего ребенка, а Аля считает Джейн своим ребенком. Она не выдержит...

— Спасибо, ваше мнение услышано.

Тетя Ренни впервые назвала меня по имени! Я потрясенно смотрела вслед драконице, покидающей зал заседаний. Она не обернулась, но отчего-то мне казалось, она расстроена. И вовсе не тем, что не смогла настоять на жестоком приговоре.

Я едва усидела на месте, когда в зал вошли родители. Наши взгляды пересеклись лишь на мгновение.

«Люблю вас», — прошептала я одними губами. И в этих двух словах была и просьба о прощении, и признание собственной глупости.

«Все будет хорошо, детка», — шепнул мне теплый взгляд мамы Али. А огорченный, папы Кира, обжег и заставил покраснеть: «Эх, Дженни, когда же ты поумнеешь?»

— Родители не могут свидетельствовать против своих детей, — объявил Васильковый Сапфир. — Поэтому мы спрашиваем у вас, Киррон и Алинари из рода Сиреневого Аметрина, признаете ли вы Джейн Ри своей дочерью?

Мороз по коже. Почему так? Зачем? Не хочу! На глаза снова навернулись слезы. Только бы не заплакать, когда услышу горькое «Нет».

— Конечно, да, — ответила мама. — Я люблю мою девочку. К сожалению, я не смогла дать ей все, что дала бы настоящая мать...

— Неправда! — Я подскочила как ужаленная. — Ты самая настоящая мама! Никто не смог бы любить меня больше, чем ты!

— Дженни... — прошептала мама Аля, обернувшись.

Они все смотрели на меня. И отец, и мама, и Старейшины. И молчали.

Молчала и я, не в силах вымолвить ни слова. Коллючий комок больно царапал горло. Стыдно. Стыдно не только за бессовестные мысли, но и за теплое счастье после маминых слов.

— Прошу тебя больше не нарушать правила, — наконец произнес Вишневый Гранат. — Сядь.

Я заставила себя подчиниться. Прижаться бы сейчас к маме, обнять, приласкаться! Опустила голову и вцепилась в край скамейки. Мама подошла неслышно. Подошла и накинула мне на плечи шаль. Ту самую, белую, мою любимую. Чистую, невесомую, пахнущую солнцем и ветром.

— Спасибо, — на выдохе, еле слышно, только для нее.

Наклонившись, она поцеловала меня в макушку и вернулась к отцу.

— Господин Киррон? — Старейшины предпочли сделать вид, что ничего не произошло.

Сердце снова тревожно забилося. Я зябко повела плечами и уткнулась носом в шаль. За отцом всегда последнее слово, и сомнения меня еще не оставили.

— Да, Джейн Ри — наш ребенок, — твердо ответил папа Кир. — Она из нашего рода, и ничто не может изменить это. Мы с женой планировали официальную церемонию после того, как Дженни исполнится восемнадцать, но она не вернулась в Армансу. Тем не менее наше решение в силе. И ее настоящее имя — Джейнери из рода Сиреневого Аметрина.

У меня перехватило дыхание. Лойи всемогущий! Воистину, если ты хочешь наказать, то лишаешь разума. Как я была слепа! Даже сообразив, что семья от меня не отказывалась, я и предположить не могла... И мечтать не могла! И что же теперь?

— Решение рода, пожалуйста, — попросил Вишневый Гранат.

— Род Сиреневого Аметрина просит о помиловании для Джейнери, совершившей преступление против драконов. Мы знаем, что она действовала по принуждению и против своей воли. Мы доверяем Джейнери и уверены, она не представляет угрозы для фамилиара. Мы ручаемся за нее.

Лойи всемогущий! Я спрятала лицо в ладонях. Сердце пропустило удар. Судорожно перевела дыхание. Вот бы глубоко вдохнуть воздух — чистый и свежий. Кожей ощутить прохладный ветер. Плевать на Старейшин! Пусть делают замечание. Я бросилась к открытому окну, вцепилась в подоконник, и тут же кто-то схватил меня за запястье.

— Не надо, — шепнула пустота голосом Беса.

Я ощутила на щеке его горячее дыхание. Но рядом никого! До меня долетали обрывки фраз:

— ...в уточнении. Мирари приняла цвета...

— Да.

— ...ее мнение...

— ...единогласное решение. Если бы Мира была против...

Старейшины снова сделали вид, будто ничего не происходит. Я дернулась, и тяжелая рука легла на талию.

— Не надо, — повторил невидимый Бес.

— Что не надо? — прошипела я, пытаясь вырваться.

— Не надо в окно, это глупо.

— Мне воздуха не хватает!

Он решил, я выброшусь из окна? Да ни за что!

Я возмущенно вывернула руку, освобождаясь от захвата. Бес исчез так же внезапно, как

появился. Нет, я его так и не увидела, но чувствовать рядом перестала.

Злая, растрепанная, раскрасневшаяся, я повернулась к отцу.

— Ты же только сейчас это придумал, да? Скажи правду! Это все только из-за чувства вины! Родовое имя! Красивая сказка!

Я выплевывала слова, задыхаясь от возмущения. Отец молча слушал, чуть склонив голову набок. Мама прикрыла рот лапой, но тоже не пыталась меня остановить.

— Я не могу быть драконом! Это ты говорил, когда я просила... умоляла не отсылать меня! Ты разрушил все мои мечты! А теперь... теперь...

Я хотела сказать, что мне не нужно подачек. И пусть забирают назад родовое имя. И жалости их мне не надо!

Но произнести это вслух уже не могла.

Эгоистичный ребенок. Злой и испуганный. Я вдруг поняла это, как будто смотрела на саму себя со стороны. Как ведро ледяной воды — резко и неожиданно. Я всего лишь боялась поверить в то, что стало очевидным.

— Я люблю тебя, дочка, — сказал папа Кир. — Разве ты не поняла, почему мы отправили тебя к людям?

— Я должна была научиться жить среди людей, — прошептала я.

— Потому что ты человек и твое место там?

— Я человек, и мне предоставили право выбора. Возможность жить так, как я хочу. Получить профессию, устроить личную жизнь.

— Но мы все у тебя отобрали и запретили говорить о семье.

— Чтобы защитить от таких, как Шейор.

Вопросы, мучившие меня годами, теперь казались глупыми. Да, я поняла. Пусть поздно, пусть с трудом, но поняла.

Я подошла к родителям и встала рядом. И только потом взглянула на Старейшин. Представляю, какого они теперь обо мне мнения... И пусть!

— Я сожалею о том, что произошло, и признаю свою вину. Мне не хватило ума... мудрости понять и принять решение старшего в роду. Это жестокий урок, и я никогда о нем не забуду.

Вот и все. Теперь только дожждаться приговора. Завтра? Или, быть может, сейчас?

Внутри снова встрепенулась маленькая испуганная девочка. Я устала бояться — и все равно боялась. Папа Кир слегка сжал мою руку, и от поддержки стало немного легче.

— А как ты собираешься жить дальше, если тебя простят и отпустят? И где? — спросил вдруг Вишневый Гранат.

Неожиданно. Я не задумывалась об этом.

Вернуться в Крагошу? Найти работу и воспитывать Яна. Учиться дальше навряд ли получится, ребенок маленький, и я его не оставлю. Я никогда не воспользуюсь возможностью повелевать фамилиаром. По собственной воле. А если снова попадусь какому-нибудь «Шейору»? Я не смогу противостоять магии. Уязвима я — уязвим и Лессон. А приобретенная известность? Менять имя? Дело громкое, наверняка вся Крагоша гудит. Да и в соседние государства что-то да просочится.

Остаться в Армансу? Семья будет рада. Но чем я займусь? Жить иждивенкой в родительском доме? А Ян? И его посадить на шею родителям? Они не возразят, даже не сомневаюсь! Но это не выход.

— Не знаю, — призналась я. — Непростой выбор.

— Тебе нужно учиться контролировать силу, — заметил Вишневый Гранат.

Учиться на мага? Ни за что!

— Нет, пусть уж остается, как есть.

Я опять сказала глупость? И чего они все уставились на меня, как на дурочку? Есть сила — и что с того? Мы с ней прекрасно уживались и не мешали друг другу. Пока она не пробудилась, когда я освобождалась из ловушки Шейора. Не слишком приятные воспоминания. Не хочу иметь ничего общего с магией.

— И что теперь с ней делать? — сердито спросил Вишневый Гранат у остальных Старейшин. — Учиться она не желает, а...

Васильковый Сапфир махнул лапой, и между нами и драконами упала звуковая завеса. Старейшины продолжали о чем-то спорить, но я ничего не слышала.

— Если нужно учиться контролировать силу, я научусь, — в отчаянии прошептала я.

Все равно не услышат. И зачем только возражала!

Кажется, все же услышали. Васильковый Сапфир посмотрел на меня и коротко кивнул, а потом снова принялся что-то доказывать остальным. Он жестикулировал, раздраженно расправлял и складывал крылья. Потом замолчал и сложил лапы на груди. Старейшины снова уставились на меня, все разом, но звуковую завесу не убрали. По очереди они говорили что-то Васильковому Сапфиру, а он довольно кивал. Потом снова говорил он, а остальные поддакивали.

Я наблюдала за ними, вполне понимая: сейчас решается моя судьба. Почему так долго? Кто-то за казнь, определенно. Бежевый Агат? Или Аспидно-серый Шунгит, что не проронил ни слова во время заседания? Зачем они решают при мне? Сколько можно меня мучить?

Мне было бы тяжело пережить это ожидание, но отец все так же держал меня за руку, а мама, подойдя сзади, положила лапы мне на плечи. Так было хоть капельку, но спокойнее.

— Джейнери из рода Сиреневого Аметрина.

Я вздрогнула, услышав официальное обращение. Уже?

— Учитывая все обстоятельства дела, все сказанное и все произошедшее, ты приговариваешься к отсроченной смертной казни.

Все же казнят. Лойи всемогущий! Я пошатнулась, но заставила себя стоять прямо и не отводить взгляд.

— Это означает, что в течение года за твоим поведением будут внимательно наблюдать. Любое действие против закона людей или закона драконов будет расценено как нарушение, ведущее к немедленному исполнению приговора. По истечении испытательного срока будет принято решение о твоей дальнейшей судьбе.

Год? Меня обрекают на целый год мучений от неизвестности? Не очень-то милосердно!

— У тебя пробуждается источник. Дисбаланс силы опасен и для тебя, и для окружающих. Поэтому год ты будешь находиться под присмотром опытных магов в горном университете.

И опять они о каком-то источнике. Не забыть бы потом выяснить, что это такое. Но магии учиться не буду, и не надейтесь!

— Так как пребывание там людей ограничено рядом условий, ты будешь работать в лаборатории. Подробности тебе объяснят на месте. На этом все. Приговор оглашен, заседание закрыто.

Старейшины ушли, а я все стояла и смотрела на пустые кресла. Вроде бы можно радоваться. Отсроченная казнь — это шанс, которым я непременно воспользуюсь. Буду жить,

где прикажут, и делать, что велят. Но отчего мне чудится какой-то подвох?

— Детка...

Обеспокоенный голос мамы Али заставил меня очнуться. Что толку переживать о будущем? Главное — это здесь и сейчас.

Я улыбнулась обоим родителям:

— Можно мне увидеть Яна?

Интерлюдия 1

Можно было переместиться прямо к дому, но Киррон выбрал ближайшую знакомую точку — вершину горы. И уже там встал на крыло, медленно планируя к каменному карнизу. Со скалистого выступа, покрытого мхом, вверх по деревянной лестнице. В густые заросли рододендрона, самшита и явора. К уединенному жилищу, спрятанному так надежно, что невозможно найти, если не знаешь дороги.

— Я ждал тебя. Проходи, садись.

Киррон поднялся на террасу и опустился на скамью. На выскобленном столе россыпь яблок, румяных, крупных. И крупный маслянистый кизил в лукошке.

Розовая рассветная дымка спустилась с неба на вершины хребта.

— Говори, — произнес хозяин дома.

— Ты знаешь, зачем я тут, — отозвался Киррон.

Он сжал в кулаке яблоко, оно треснуло, и прозрачный сок брызнул на чистую столешницу.

— Это невозможно.

— Почему, Рон? Выбери кого-нибудь другого. Я же знаю, под наблюдением несколько подкидышей.

— Да, так. Но только один из них был найден в Армансу. Только один воспитывался в семье драконов. И только у одного источник уже пробудился.

— Хватит, — раздавленное яблоко улетело в кусты. — Ты говоришь о Дженни, но...

— Ты не знаешь последних донесений, — в свою очередь перебил гостя Рон. — У нас нет времени растить замену. Это еще около двадцати лет, а все должно решиться в ближайшие годы. Мы не можем отпустить твою дочь.

— Дженни еще ребенок. Пусть она хоть немного поживет дома.

— Дети должны взрослеть, Кир. У тебя под крылышком это навряд ли произойдет. Вы с Алей так и будете кудахтать над ней и оберегать от всего.

— А в горном вы заставите ее выживать? — Киррон горько усмехнулся. — Дженни — обычная домашняя девочка. Вы сломаете ее!

— Не говори ерунды. Мы отправляем ее в университет, а не рекрутом в армию Крагоши.

— Вот уж не знаю, что лучше. — В кусты улетело еще одно яблоко. — Она не хочет становиться магом. Я мог бы попробовать убедить ее...

— Ее никто не будет принуждать. И убеждать тоже ни к чему. Она сама поймет, что это необходимо.

— Вы будете манипулировать ею!

— Да, Кир, скорее всего. Манипулировать, испытывать, подвергать риску, ставить перед выбором. Ты это хотел услышать? — Рон подкинул яблоко, а потом с хрустом откусил от него кусок. — Лучше бы попробовал, чем добро переводить.

Киррон раздраженно щелкнул хвостом.

— У Джейн обязательства перед приемным сыном.

— А вот это оказалось неожиданностью. — Рон отложил надкушенное яблоко и отвернулся, уставившись вдаль. — Ян исчезнет из ее жизни.

— Что-о-о?! — кулак треснул по столешнице, лукошко подпрыгнуло и упало на бок. Высыпались ягоды — ярко-красные, пузатые. — Что ты хочешь с ним сделать?

— Ничего. — Рон не шелохнулся, продолжая наблюдать за рассветным небом. — Это у нас никто шума не поднимает, а Крагоша бурлит. В Ривеннеле только и разговоров, что о Шейоре и девчонке. Объявились родные Яна, родители его матери. Они требуют отдать им внука. Ты же не хочешь, чтобы всплыла история с взяткой?

— Ты же можешь уладить это!

— Могу. Но не буду.

— Дженни любит малыша, как родного. Она...

— Она поймет, ему будет лучше у родных бабушки и дедушки. И ей самой будет чем заняться в ближайшие годы, хватит уже играть в куклы.

— Ты жесток, Рон.

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Сирилини — разноцветные птицы, размером с ворону. Клюв короткий, закруглен книзу. На кончиках крыльев — когти. Птенцов нельзя вырастить вне гнезда — особенности вида.